

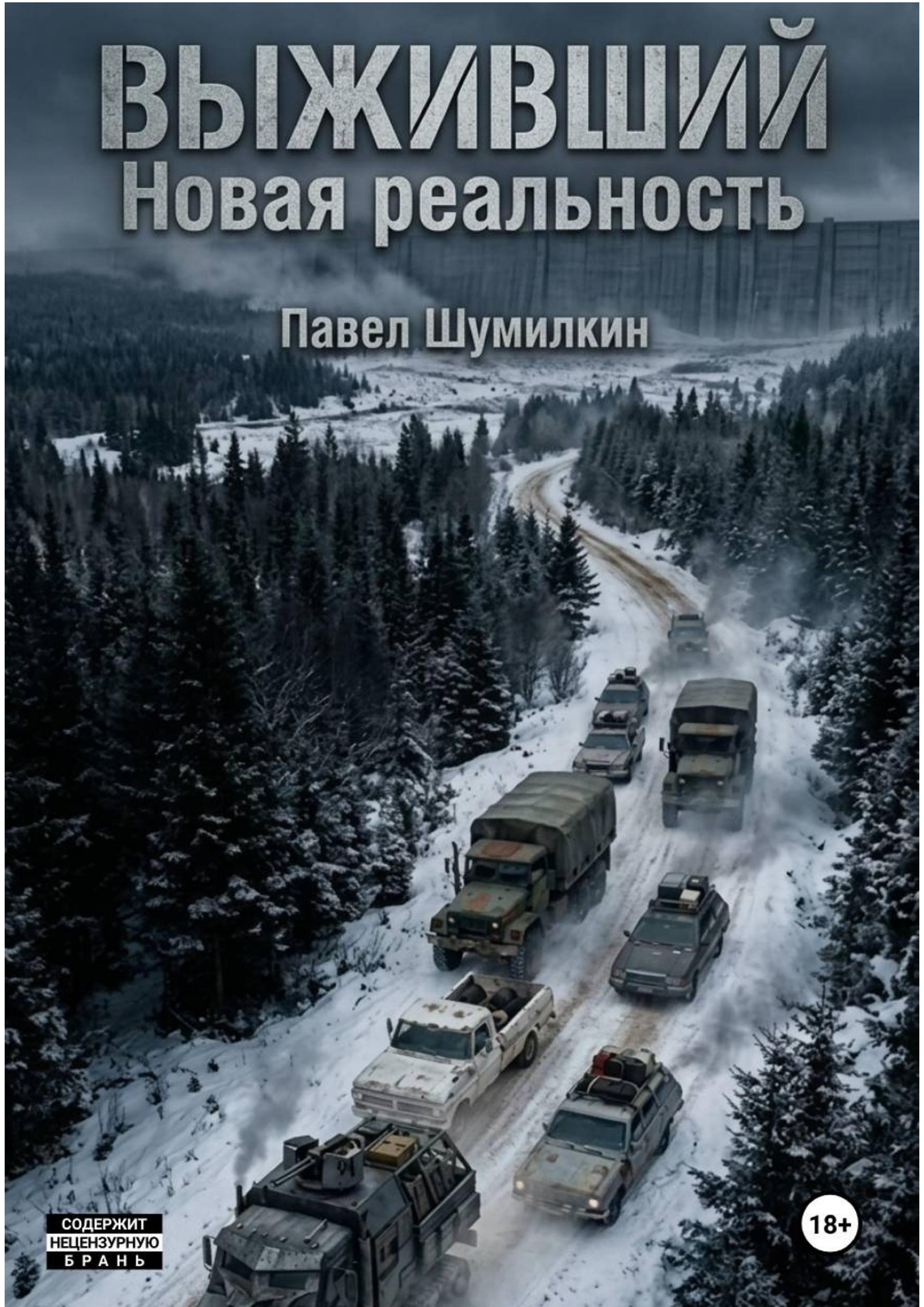
ВЫЖИВШИЙ

Новая реальность

Павел Шумилкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Выживший

Павел Шумилкин

Выживший: Новая реальность

«Автор»

2026

Шумилкин П.

Выживший: Новая реальность / П. Шумилкин — «Автор»,
2026 — (Выживший)

Мир пал, но Джек и Оливия выстояли. В «Районе» — последнем оплоте цивилизации — они пытаются построить хрупкое подобие нормальной жизни. Но тишина обманчива. Каждый шаг через Врата может стать последним. Цена ошибки — не только кредиты, но и жизни близких. Когда стены рушатся, а надежда трещит по швам, им придется выбрать: держаться за призрачную безопасность или рискнуть всем ради шанса на новое начало. История о выживании, которое закаляет сталь в душе, и о любви, которая не дает этой стали сломаться.

© Шумилкин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЦЕНА ТИШИНЫ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. ХРУПКИЙ МИР	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОГНИ И ТИШИНА	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СТАЯ	22
ГЛАВА ПЯТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ТЬМОЙ	29
ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Павел Шумилкин

Выживший: Новая реальность

ПРОЛОГ

Два месяца тишины.

Не той оглушительной, звенящей тишины леса, где каждый шорох — угроза. Другой. Гулкой, наполненной отдаленными звуками жизни за бетоном: скрипом колёс тачки, приглушенными голосами за стеной, равномерным гулом генератора где-то на уровне пятого этажа. Тишина с натянутой, но прочной плёнкой безопасности поверх.

В их квартире — запах варёной крупы, дешёвого мыла и старой пыли, выбиваемой из казённых ковриков. И ещё — запах его кожи, смешанный с порохом и лесной сыростью, который не выветривался даже после душа.

Джек стоял у раковины, снимая с себя день. Не только рюкзак, не только разгрузку с пустыми магазинами. Снимал с себя маску. Ту самую, каменную, что держал на лице с утра, выходя за Врата, и нёс через весь Район до самого их порога. Мышцы челюсти наконец разжались, плечи опустились на сантиметр.

Он чувствовал её взгляд на своей спине. Знакомый, тёплый вес внимания. Не наблюдение часового. Просто... присутствие.

— Опять куртка, — сказал её голос с дивана, без упрёка.

Джек взглянул на рукав. Длинный, неровный разрез, края ткани темнее от вьёвшейся грязи и чего-то бурого. Он кивнул, не оборачиваясь.

— Сучок. Метровый. Зацепило, когда уползал.

— Молчун? — спросила Оливия. «Молчунами» они звали тихих и медленных зомби.

— Быстрый, — коротко бросил он, и услышал, как она замерла. Быстрые за стенами означали повышенный уровень угрозы. Значит, её смены на вышке станут напряжённее. — Один. Разобрался.

Он повернулся. Она сидела, поджав ноги, в её руках — та самая серая кофта, которую они нашли будто вечность назад. Она зашивала распоровшийся шов на локте. Движения были точными, привычными. Свет настольной лампы выхватывал контур её щеки, тень ресниц. И синяк под глазом, уже почти жёлтый, — отдача приклада на прошлой неделе, когда на секторе Б была тревога. Она её отбила. Протокол отработала безупречно.

Их глаза встретились. На долю секунды в его взгляде, прежде чем он сам успел это поймать, мелькнуло нечто кроме усталости. Что-то острое, почти болезненное. Нежность, которой он до сих пор не давал имени.

— Бензин, — сказал он, переводя взгляд на рюкзак, чтобы разрядить эту тишину, ставшую вдруг слишком плотной. — Две канистры. Чистый. Семена какие-то, в пакетах, ещё не съели. И... точка.

Она отложила кофту.

— Что же?

— Родник. В старом карьере. Километров сто на северо-восток. Вода чистая, течёт из скалы. — Он подошёл к столу, развернул потрёпанную карту. Его палец, с обломанным ногтем и свежим порезом, ткнул в точку. — Обозначил. Отправят группу обустраивать.

Шестая точка. Оазисы в радиусе выживания. Родник — это не просто вода. Это стратегический актив. Пятьдесят очков кредита на их счёт. Ещё два месяца спокойной жизни в этой

коробке с видом на внутренний двор. Ещё два месяца, где единственной его миссией будет охранять её сон, а её долгом — ждать его возвращения.

Она встала и подошла к нему. Встала рядом, глядя на карту, её плечо почти касалось его плеча. Он чувствовал исходящее от неё тепло.

— Напарник? — тихо спросила она.

Джек закрыл глаза на мгновение. Перед ним встал образ: молодое, перекошенное страхом лицо новичка, которого ему прикрепили на эту вылазку. Пацан. Лет девятнадцать. Дрожащие руки. И тихий, захлёбывающийся хрип, когда из-за груды плит вынырнул тот самый Быстрый.

— Нет, — голос Джека был плоским, как поверхность стола. — Не спас.

Оливия ничего не сказала.

Потом был ужин. Каша. Разговоры о мелочах. О том, что на складе выдали новую партию носков. Что старик-сосед сверху снова кашляет по ночам. Что завтра у неё утренняя смена, а у него — разбор и отчёт в Комендатуре. Нормальные разговоры. Почти как в старой жизни. Если закрыть глаза на то, что за окном — тройное кольцо стен, а в груди у каждого — шрам от того ада, что за ними.

Они редко говорили о прошлом. О тех, кто остался за стенами «Района» или не добрался до него. Но иногда, в тишине, когда Джек чистил оружие, а Оливия штопала куртку, тени прошлого напоминали о себе.

Эрнеста, того самого, что предал их, судили в «Районе» не за предательство — за жестокость. Его методы отбора, его «игры» с людьми, которых он заставлял убивать друг друга ради пропуска, стоили десятков жизней. Приговор был быстрым и беспощадным. Выстрел в затылок. Тело выбросили за стены, на съедение «молчунам». Сержант лично подписал приказ.

Позже, в темноте, на их общей койке, она прижалась к нему спиной. Он обнял её, его ладонь легла на её живот, чувствуя под тонкой тканью рубашки тёплую, живую кожу и шрам от сломанного ребра. Он прижался губами к её шее, у виска, где пульсировала жилка. Это было ритуалом.

За окном, за тремя стенами, мир мёртвых длился уже два года. А здесь, в этой комнате, тихо, вопреки всему, теплилась жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЦЕНА ТИШИНЫ

Очередное утро. Лужа солнечного света расплывалась по линолеуму, старательно вымытом вчера Оливией. Джек лежал на спине и смотрел в потолок, слушая, как тишину комнаты пререзают знакомые звуки: скрип кровати за стеной у соседей, отдаленный гул генератора, прерывистый кашель сверху. Звуки жизни. Нервирующие, чужие, но уже ставшие частью его внутренней карты безопасной территории.

Оливии не было. На ее половине койки — вмятина и холодок.

Он встал. Тело отозвалось привычной, глухой ломотой в мышцах, особенно в правом плече. Он потянулся, услышав хруст в спине, и окинул взглядом их крепость.

Комната была маленькой, стандартной для «жилого сектора» Района. Две койки, сдвинутые вместе. Стол, на котором лежала карта, его блокнот для заметок и рамка. Рамка была самодельной, сколоченной из обломков паркета и куска стекла, найденного в развалинах магазина. В ней — та самая, выцветшая от времени и прикосновений фотография. Четыре лица, четыре улыбки, которые теперь казались масками из другой реальности. Оскар с хулиганским прищуром, Дженнифер, прижавшаяся к его плечу, Макс, показывающий кулак в кадр, и он сам, Джек, с беззаботным, глупым смехом, который он уже забыл, как издать. Призраки. Но он не мог их убрать в ящик. Они были его якорем, пусть и к затонувшему кораблю. Оливия никогда не спрашивала о фото. Она просто аккуратно протирала с него пыль, когда убиралась.

На подоконнике, в жестяной банке из-под тушенки, зеленел чахлый росток. Не цветок, а какое-то дикое растение с мясистыми листьями, которое Джек принес месяц назад, рискуя вывихнуть руку, карабкаясь по осыпающемуся склону. «Для воздуха», — буркнул он тогда. Оливия молча нашла банку, насыпала земли с внутреннего двора и посадила. Теперь это было их общее. Признак жизни, упрямо пробивающейся сквозь бетон и отчаяние.

Он подошел к маленькой газовой плите, доставшейся им по жребию. На ней стояла кастрюля, прикрытая тарелкой. Внутри — густая, серая овсянка, щедро сдобренная тушенкой. И два сухаря, аккуратно положенные рядом. Он ел стоя, быстро, почти не жуя, заливая еду тепловатой водой из фляги. Пища была топливом. Вкус не имел значения.

После еды он занялся ритуалом. Снял с вешалки свою «чистую» одежду — темные штаны и серую рубашку, тоже поношенные, но без явных дыр. Заправился. Подошел к осколку зеркала, прикрепленному к шкафу. В отражении смотрел на него другой человек. Не тот бородастый оборванец из лесов, и не студент с фотографии.

Он побрился. Не до скрипа, но аккуратно, сняв двухдневную щетину. Волосы, отросшие за месяцы скитаний, он коротко подстриг ножницами несколько недель назад. Теперь они едва касались ушей. Лицо стало моложе, но не мягче. Скулы резче, глаза глубже, с постоянной тенью усталости под ними. Взгляд оставался тем же — оценивающим, отстраненным, как у зверя на водопое, который никогда не забывает прислушиваться к лесу.

Ему было двадцать три. Иногда, в редкие секунды забытья, он ловил себя на мысли, что должен был готовиться к защите диплома. Обсуждать с Оскаром планы на лето. Смеяться над шутками Макса. Теперь его единственный «диплом» — умение выживать. А планы сводились к тому, чтобы прожить еще один день, заработать еще несколько кредитов и сохранить этот хрупкий мирок из двух комнат, фотографии в рамке и ростка в банке.

Он надел разгрузку с пустыми подсумками — сегодня не предвиделось выхода за Врата. Взял рюкзак, где лежали две канистры с бензином и пакет с семенами. Последний раз взглянул на фото.

Он вышел, защелкнув самодельный замок на двери. Коридор пах сыростью, вареной капустой и дезинфекцией. На лестнице пересекся с парой из соседней квартиры — они молча

кивнули друг другу, глаза скользнули по рюкзаку, оценивая потенциальную добычу, и тут же отвели взгляд. Никаких лишних слов.

«Район» просыпался. Это был не город, а скорее огромный, плохо сращенный организм. «Врата» — не единственный проход на северной стороне, усиленный стальными плитами и двумя вышками с пулеметами.

Внутри царила серая, функциональная жизнь. Люди в поношенной, но чистой одежде спешили по своим делам: на кухни общего пользования, в мастерские, на смены к стенам. Дети, редкие и молчаливые, играли в пыльном внутреннем дворе под присмотром стариков. Воздух гудел от голосов, работающих механизмов и вечного, глубокого гула тревоги, который никогда не стихал до конца.

Штаб располагался в бывшем административном здании на территории комплекса. Одноэтажная, крепкая коробка с заложенными кирпичом окнами и массивной дверью из стальных листов. У входа, под навесом, курили двое охранников в такой же, как у Джека, разгрузке, но с автоматами на плечах. Их глаза, привыкшие сканировать толпу на предмет угрозы, бегло скользнули по нему, узнали и вернулись к сигаретам.

Внутри пахло потом, металлом, дешевым кофе и влажной бумагой. Большая комната была заставлена столами, заваленными картами, рациями, кипами отчетов. На стенах висели схемы секторов обороны, списки «активных угроз» и портреты пропавших без вести — лица, которые с каждым днем становились все более призрачными.

За центральным столом, похожим на учительский, сидел сержант Горский. Бывший армейский прапорщик, а ныне — начальник снабжения и приема трофеев. Человек лет пятидесяти, с лицом, вырезанным из гранита, и вечно воспаленными глазами от недосыпа. Он что-то строчил в журнал, когда Джек подошел и молча поставил рюкзак на край стола.

Горский поднял взгляд. Не на Джека, а на рюкзак. Его пальцы, толстые и покрытые шрамами, потянулись к застежке.

— Вылазка три-семь-один, — глухо произнес Джек, кладя рядом блокнот с записями. — Координаты родника. Дебит примерно двести литров в час. Вода чистая, без признаков заражения. Пробы взял. — Он вытащил из нагрудного кармана два маленьких пузырька с водой.

Сержант открыл рюкзак, вынул канистры, потряс их, прикидывая вес на глаз. Потом достал пакет с семенами, развязал, понюхал.

— Бензин — две канистры, двадцать литров, — отбарабанил Джек. — Семена — похоже на тыкву или кабачок. Не тронутые. Нашёл в погребе заброшенной фермы, координаты в отчёте.

Горский молча кивнул, делая пометки в журнале. Его движения были медленными, выверенными, без лишней суеты.

— Новобранец? — спросил он наконец, не глядя.

— Не вернулся, — ответил Джек, и его голос не дрогнул.

Сержант посмотрел на него. В его взгляде не было ни осуждения, ни сочувствия. Была холодная, профессиональная оценка.

— Боестолкновение?

— Быстрый. Один. На западном склоне оврага. Разобрался. Новобранец отстал, паника. — Джек сделал паузу. — Не успел.

Горский хмыкнул, снова склонившись над журналом.

— Восьмой за месяц. Тренируют их, как щенков, а они разбегаются при первом выстреле. — Он поставил в журнале какие-то цифры. — Ладно. Родник — хорошая находка. Пятьдесят кредитов на твой счёт. Бензин — десять за канистру. Семена — пять, если агроном подтвердит. И за быстрого — бонус десять. — Он оторвал квитанцию из блокнота и протянул Джеку. — Семьдесят пять всего. Достаточно на месяц покоя. Если не нажрёшься в столовой.

Джек взял квитанцию, кивнул. Никаких «спасибо». Это была сделка. Его риск, его кровь — в обмен на цифры в журнале, дающие право на жизнь за стенами.

— Новую вылазку, когда? — спросил он.

Горский посмотрел на сводку угроз, приколотую к стене.

— Сектор «Орлов» затих. Но на Юге — движение. Говорят, видели огни ночью. Не наши. Но и не зомби. — Он метнул на Джека тяжелый взгляд. — Отдыхай пару дней. Потом, возможно, разведка на Юг. Будет нужно — вызовут.

Джек кивнул снова. «Огни. Не наши.» Это могло означать что угодно — от другой группы выживших до новой бандитской шайки. Новую угрозу. Новые миссии.

Он развернулся и пошел к выходу, оставляя позади запах кофе и бумаги, гул голосов и тяжелый взгляд сержанта. Семьдесят пять кредитов. Еще месяц их хрупкого мира. Две комнаты. Росток на окне. Фотография в рамке. И Оливия, которая вернется в три.

Это была цена. И пока он мог ее платить, этот ад — терпим. Но в словах Горского о «огнях на Юге» звучал отдаленный гром новой бури. И Джек знал: рано или поздно платить придется снова. И счет может оказаться куда выше.

Джек вышел из штаба на утренний свет, резкий после полумрака комнаты с бумагами. На площадке перед зданием, там, где когда-то росла чахлая декоративная ель, а теперь зиял квадрат утоптанной земли, играли дети. Их было человек шесть-семь, от мала до велика.

Они не играли в войну. Эта игра давно перестала быть игрой и стала ежедневной рутинной для их родителей. Они играли в «старый мир». Девочка лет пяти, в платье, перешитом из взрослой кофты, «продавала» воображаемое мороженое, насыпая в мисочку песок. Мальчик постарше, с серьезным лицом, возил по земле на веревочке жестяную банку, бормоча что-то про «доставку». Еще один, самый маленький, просто сидел в пыли и методично пересыпал ее из одной ладони в другую, его взгляд был устремлен в никуда.

Джек остановился на мгновение, наблюдая. Его собственное детство, такое же далекое и нереальное, как полеты на луну, было наполнено пластиковыми мечами, гудящими игровыми приставками и криками «салют!» во дворе. Эти дети не знали ни того, ни другого. Их «старый мир» — это обрывки воспоминаний взрослых, смешанные с реальностью выживания: доставка, еда. Они строили свой мир из того, что было. Как и все в Районе.

На его куртке, над левым нагрудным карманом, была нашита небрежная, но заметная шеврон-аппликация из куска темно-зеленой ткани. На ней белой краской, уже потрескавшейся и выцветшей, были нарисованы стилизованный глаз и ключ. Неофициальный знак. «Око и Ключ». Разведка и добыча. Те, кто ходил за Врата и возвращался с ресурсами. Его не выдавали, его зарабатывали. И он давал определенные, молчаливые привилегии.

Он свернул к обменному пункту — бывшему гаражу на первом этаже соседней девятиэтажки. У входа уже выстроилась небольшая очередь из десяти-пятнадцати человек с пустыми глазами и опустошенными лицами. Это были «внутренние» — те, кто работал на кухнях, чистил стоки, ремонтировал обувь. Их кредиты были мизерными, а очереди — вечными.

Джек, не глядя на очередь, прошел прямо ко входу. Несколько пар глаз проводили его взглядом, в котором смешались привычная зависть, усталая покорность и легкое презрение. «Разведчик. У него есть кредиты. У него есть право не ждать». Поначалу эта привилегия корбила его, вызывая в памяти лицо Оскара, который всегда первым лез драться за «справедливость». Но Оскара не было. А выживание учило жестокому прагматизму: время — ресурс. Риск за Врата оплачивался не только кредитами, но и минутами, не потраченными в пыльной очереди под чужими взглядами.

Внутри гаража пахло пылью, старостью и сладковатым запахом дешевого мыла. Полки, сколоченные из поддонов, ломились от товаров, но это было обманчивое изобилие. Консервы с расплывшимися этикетками, свертки с просроченными на несколько лет крупами, горы поношенной одежды, тщательно выстиранной и залатанной. В углу, на отдельном столе под при-

смотром охранника, лежало ценное — инструменты, батарейки, лекарства с сомнительным сроком годности, патроны.

За прилавком, на ящике из-под патронов, восседал Феликс. Бывший, как он сам любил рассказывать, «менеджер среднего звена в сетевом ритейле». Человек лет пятидесяти, пухлый там, где в Районе еще можно было позволить себе пухлость, с вечно влажными глазами и неестественно широкой улыбкой. Он любил поговорить. И он «любил» Джека. Точнее, любил его кредиты.

— Джек, дружище! — раздался его сиплый, радостный голос, едва Джек переступил порог. — Живой, здоровый, и, я смотрю, непустой! Слухи ходят, что ты родник нашел! Неужели правда? Настоящий, живой родник? Как в сказке!

Джек кивнул, не удостоив его ответом. Он подошел к прилавку, скользнув взглядом по полкам.

— Молодец, молодец, — затараторил Феликс, потирая руки. — Значит, кредитки подросли? Чем могу порадовать? У нас свежая партия тушенки, правда, этикетка гласит, что ей впору иметь право голоса на выборах, но поверь, вкус — божественный! Или вот, нитки! Настоящие, капроновые, прочные. Без иголок, увы, иголки — дефицит, но ты же мастер на все руки, справишься.

Джек молча указал на пачку сигарет «Chesterfield» — одна из немногих марок, что еще иногда находили в грузовиках с товарами. Пачка была помята, целлофан пожелтел.

— О! Жаждешь ублажать нервы? — Феликс снял пачку с полки, как драгоценность. — Пять кредитов. Последняя в этой партии.

Джек кивнул. Он не курил уже месяца три. Последний раз — после ночного дежурства на стене, когда нервы были натянуты до предела. Но сейчас, глядя на пачку, он почувствовал внезапное, острое желание ощутить горький дым, заполняющий легкие. Это была маленькая, глупая слабость. Но в их мире слабостей было так мало, что каждая из них становилась драгоценной.

— И две банки той тушенки, что с красной этикеткой, — сказал он. — Крупа есть?

— Гречка! — воскликнул Феликс. — Правда, немного... дружит с молью. Но белок же! Четыре кредита за килограмм.

— Давай полкило. И нитки. Те, что потолще.

— Капроновые, как просил! Три кредита за моток. Иголку, друг, не найдешь днем с огнем, все мастерицы перехватили, но вот... — он понизил голос, сделав вид, что делится великой тайной, — поговаривают, в мастерской по починке брезента иногда списывают сломанные. Можешь попробовать там ковырнуться.

Джек снова кивнул, мысленно прикидывая расход. Сигареты, тушенка, крупа, нитки. Шестнадцать кредитов. Остается пятьдесят девять. На жизнь, на «коммуналку» в виде обязательного взноса на поддержку генераторов и охраны стен, на черный день.

Пока Феликс совал товары в потрепанный пластиковый пакет, Джек позволил взгляду блуждать. За окном гаража, в загоне, устроенном из остатков забора и навеса, виднелись три коровы. Жалкие, костлявые создания с тусклой шерстью и печальными глазами. Чудо, что их вообще нашли и довели сюда. Они давали молоко — горькое, но молоко. Его выдавали по карточкам детям и тяжело больным. Поговаривали, все три — телки, и шансов на потомство почти нет. Рядом, в сетчатых клетках, копошились кролики — быстро размножающийся ресурс мяса и меха. С другого конца доносилось редкое, хриплое кудахтанье — куры, несущки. Золотой фонд Района, охраняемый лучше, чем склад с оружием.

Электричество было другой валютой. Генераторы, работавшие на том самом скудном бензине, что добывали разведчики вроде Джека, включались по графику. Вечером, на пару часов, для освещения общих зон и подзарядки аккумуляторов. Ночью — только для периметра: прожектора на вышках, питание датчиков движения на стенах, рации в штабе. В квар-

тирах после девяти вечера царствовали свечи и фонарики на батарейках. Батарейки тоже были валютой.

— Вот, собрал для лучшего клиента! — Феликс протянул пакет, его улыбка стала еще шире, показывая желтые зубы. — Семнадцать кредитов с тебя, Джек. Считай, нитки в подарок за родник!

Джек знал, что его надули как минимум на кредит. Но спорить не стал. Он протянул свою квитанцию, Феликс чем-то шуршал в толстой гроссбухе, вычтя сумму.

— Заходи еще! Всегда рад! — крикнул он вслед, но Джек уже выходил из гаража, оставляя за собой поток слов и запах затхлости.

Он вышел на улицу, сунул пачку сигарет в нагрудный карман. Пакет с провизией и нитками висел в руке, тяжелый невесомостью потраченных ресурсов. Дети на площадке теперь строили из песка что-то похожее на стену с башнями. Их игра незаметно изменилась, вобрав в себя реалии нового мира.

Джек потянулся к пачке, потом остановился. Не сейчас. Он пошел в сторону их дома, к их комнате, где на подоконнике зеленел росток, а в рамке улыбались призраки. У него были сигареты. Была еда. Были нитки. И было еще почти шестьдесят кредитов тишины. На сегодня этого было достаточно. Завтра будет видно. А пока с Юга доносился лишь тихий, пока еще беззвучный гул новой бури.

Джек шел по прямой, к своей девятиэтажке, но ноги сами свернули на широкую аллею, ведущую к северному периметру. Не осознавая, почти на автомате. Пакет с провизией болтался в руке, мерный груз, отбивающий такт шагам.

Через пять минут он вышел к внутреннему плацу перед северной стеной. Здесь было пустынно, кроме пары рабочих, таскавших мешки с цементом к участку, где укрепляли фундамент ограды. Справа вздымалась одна из сторожевых вышек — бетонная колонна с деревянной будкой наверху, опутанная проводами и с узкой щелью для обзора. На той, что была ближе к Вратам, сейчас была ее смена.

Он не пошел близко. Это было бы странно, почти навязчиво. Вместо этого он свернул к скамейке, стоявшей под скудной тенью высохшей березы в двадцати метрах от вышки. Скамейка была железной, холодной даже сквозь ткань штанов. Он поставил пакет рядом, достал из кармана помятую пачку «Chesterfield».

Сигарета была сухой, табак крошился. Он прикурил от старой, потрескавшейся зажигалки, сделав первую, глубокую затяжку. Дым, горький и едкий, ударил в легкие, закружил голову после трехмесячного перерыва. Он закашлялся, тихо, подавляя спазм, и выдохнул сероватое облачко в неподвижный утренний воздух.

Потом поднял взгляд. С его точки зрения он видел не саму Оливию, а часть вышки. Он видел дуло ее винтовки, лежащее на краю амбразуры. Видел иногда мелькавший в проеме рукав ее кофты — ту самую серую, что она зашивала вчера. Раз в несколько минут силуэт чуть смещался — она меняла позицию, сканируя сектор за стеной. Дисциплинированно, профессионально. Не как новичок, уставший от монотонности, а как солдат, знающий, что цена потерянной бдительности измеряется жизнями.

Он сидел и курил, наблюдая за этим кусочком ее присутствия в огромной, враждебной машине под названием Район. Он не махал ей. Не подавал знаков. Это было бы против правил, отвлекало бы ее. Он просто сидел, докуривая свою сигарету, и позволял себе эту тихую, странную роскошь — знать, где она, и видеть, что она на своем посту. Жива. Цела. Настороже.

Сигарета догорела. Он раздавил окурок о железную ножку скамейки, спрятал бычок в карман — мусорить было нельзя, за этим следили. Взглянул на вышку в последний раз. Дуло винтовки по-прежнему лежало неподвижно, направленное в щель между бетонными плитами Врат. Все было в порядке.

Он поднял пакет и пошел домой, оставляя за спиной гул генераторов и далекий образ на посту.

Час спустя он уже сидел за их столом, разбирая покупки. Тушенку поставил на полку. Крупу пересыпал в жестяную банку с плотной крышкой — от той самой моли. Нитки, толстые и прочные, капроновые, положил рядом с его швейным набором, где уже лежали две сломанные, но еще годные для грубой работы иглы. Пачку сигарет он сунул в ящик стола, в дальний угол. На тот случай, когда нервы будут свистеть, как натянутая струна.

Он снял куртку с разрезом и принялся за работу. Нашел кусок ткани примерно подходящего цвета — от старой палаточной рубашки. Игла тупо входила в плотную ткань куртки, приходилось помогать наперстком, которого не было, просто давя пальцем, пока не проткнет. Шов получался грубым, некрасивым, но прочным. Такой же, как и все в их жизни.

За окном медленно плыли облака. Росток в банке слегка покачивался от сквозняка. На фотографии в рамке молодые лица замерли в вечном, беззаботном смехе.

Тишина в комнате была густой, почти осязаемой. Не та тревожная тишина ожидания за Вратами, и не гнетущая — в очереди у обменщика. Это была тишина передышки. Тишина, купленная за семьдесят пять кредитов, две канистры бензина и жизнь новобранца, которого звали... Джек даже не вспомнил его имени. Не было смысла.

Он закончил штопать разрез, откусил нитку зубами и натянул куртку. Шов торчал бугром, но держал. Сойдет.

Он подошел к окну, глядя в сторону северной стены, туда, где на вышке, невидимая теперь, стояла Оливия. До трех часов. Потом она вернется. Будет ужин. Будет тихий разговор. Будет их койка и ее спина, прижатая к его груди.

Это был их ритм. Их хрупкий, выстраданный порядок. И пока он держался, можно было жить.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ХРУПКИЙ МИР

Там, в этих двух комнатах, они разрешали себе быть людьми, а не солдатами. Джек возвращался с вылазки или из штаба, сбрасывал с себя дневную маску ледяной эффективности. Оливия приходила со стены, и напряжение, застывшее в ее плечах, медленно таяло под его прикосновениями.

Они разговаривали. Не о зомби, не об угрозах, не о кредитах. Они говорили о том, что старик сверху наконец-то перестал кашлять, и это, наверное, хороший знак. О том, что в обменнике Феликс выложил пачку иголок, но запросил за них целых восемь кредитов, «как за золотые». О том, что завтра у Джека свободный день, и он хотел бы попробовать починить протекающий кран в их умывальнике, если найдет подходящую резинку.

— Видела, как дети песочную стену лепили сегодня, — говорила Оливия, расчесывая перед осколком зеркала свои темные, теперь всегда собранные в тугий узел волосы. — Похоже на нашу, северную. С башенками даже.

— У них воображение лучше работает, чем у нас, — отзывался Джек, разбирая свой пистолет для вечерней чистки. — Нам бы их способность из песка крепость строить.

— Из грязи и песка, — поправила она, и в углу ее губ дрогнуло подобие улыбки. — На одном песке долго не прстоишь.

— Зато быстро перестроишь, — парировал он.

Это были их разговоры. Почти нормальные. Почти как в «старом мире», о котором они теперь говорили шепотом, как о запретной, слегка постыдной сказке. Они готовили скудный ужин вместе, их локти иногда касались на тесной кухоньке, и это касание было теплее любого признания. Ночью, в темноте, она прижималась к нему, а он обвивал ее рукой, и его губы находили знакомое место у нее на шее, под мочкой уха. Они целовались, медленно, без спешки, как будто у них впереди была вечность, а не завтрашняя смена или новая вылазка на Юг. Эти поцелуи были их главным признанием. Их единственной молитвой в мире, забывшем Бога.

Но за дверью квартиры их мир сужался до функций, до долга. «Район» был не домом. Он был крепостью-убежищем, последним рубежом в этом выжженном уголке Калифорнии.

Три кольца стен окружали ядро из девятиэтажек. Первая, внешняя — из грузовиков, контейнеров и наскоро сваренных металлических щитов. Вторая, основная — усиленная бетонными блоками и земляными валами. И третья, последний рубеж — высокая, почти неприступная стена из сборных железобетонных плит времен постройки комплекса. На ней стояли вышки, как та, где дежурила Оливия. Это был позвоночник Района, его окончательная черта. За ней — только смерть.

Населения было чуть больше тысячи. Вместимость — до пяти тысяч, если согнать людей как скот, но это был бы конец. Тысяча — это предел для более-менее устойчивого существования. Большинство — бывшие военные, полицейские, охотники, выживальщики. Те, у кого в руках были навыки, а в голове — дисциплина, чтобы не сойти с ума в этих стенах. Были и мирные — врачи, инженеры, агрономы. Каждый платил «кровью или потом». Работа на кухне, в мастерских, на стенах, в полях на крышах, где пытались выращивать зелень. Или вылазки.

У Джека была двойная миссия. Первая — классическая «добыча»: бензин, медикаменты, инструменты, семена. Вторая, более ценная — «колонизация». Находить не просто припасы, а точки с долгосрочным потенциалом. И людей. Одиноких выживших, маленькие, едва держащиеся группы. Вести их в Район, пополняя ряды и генофонд. Это была опасная, нервная работа. Не каждый, кто выжил снаружи, был готов подчиняться законам крепости. Но численность была критическим ресурсом.

Шесть точек. Шесть аванпостов Района, разбросанных в радиусе двадцати-ста пятидесяти километров. Не самостоятельные поселения, а форпосты.

«Родник»: Тот самый, найденный Джеком. Карстовая трещина в скале, дающая чистую, холодную воду. Теперь там стоял насос на солнечных батареях (редчайшая роскошь), охраняемая застава на пятерых. Раз в два дня туда отправлялся конвой с цистернами.

«Склад-7»: Заброшенный логистический центр. Не столько для проживания, сколько для добычи. Команда из десяти человек методично разбирала его на стройматериалы, находила иногда целые паллеты с консервами или одеждой.

«Ферма "Подсолнух"»: Небольшое хозяйство, где пытались реанимировать старые поля. Пока держали пару коз и сажали картошку. Жили там постоянно шесть человек, агроном и охранники.

«Вышка»: Старая радиовышка на холме. Стратегический пункт наблюдения. Три человека, связь с Районом по рации, задача — следить за перемещениями орд.

«Гараж»: Авторемонтная мастерская у заброшенной трассы. Ценна инструментами и возможностью ремонта техники. Жило четверо механиков.

«Аптека»: Недавно обнаруженная, еще не обустроенная полностью. Небольшое здание сельской аптеки в полуразрушенном поселке. Ценность — потенциальные медикаменты, которые еще не разграблены. Пока там двое разведчиков делали инвентаризацию.

Эти точки были щупальцами Района, его способом добывать ресурсы, не рискуя всем населением. И каждый такой аванпост нужно было защищать.

Особенно теперь. Потому что угроза эволюционировала.

«Молчуны» — обычные, медленные, зомби — были фоновой угрозой, почти частью пейзажа. Но «Быстрые»... Они были другим видом.

Они не волочили ноги. Они бежали. Рывками, не так координировано, как живой человек, но с пугающей, нечеловеческой выносливостью и скоростью. Их движения были резче, целенаправленнее. И самое страшное — их социальное поведение. Они охотились стаей. И не только на живых. Они нападали на обычных зомби, разрывая их, словно те были... конкурентами? Или просто другой, более доступной пищей. Ночью они выли. Длинный, леденящий душу вой, не похожий ни на что. То ли перекличка, то ли сигнал к охоте. Этот вой стал самым жутким звуком в ночи, страшнее любого выстрела.

Их становилось больше. Сначала единичные встречи, теперь — небольшие группы. Теории были разные: мутация вируса, естественный отбор среди мертвых, где выживает самый проворный. Не важно. Факт был в том, что каждая вылазка за Врата теперь была игрой с более высокой ставкой. «Быстрый» мог засечь тебя с большего расстояния, догнать, зайти с фланга. Они были умнее. Охотнее использовали укрытия. И их вой мог поднять на ноги всю округу.

Джек чистил ствол пистолета, думая об этом. О грядущей разведке на Юг, где видели «огни». Оливия, закончив с волосами, подошла и села рядом, положив голову ему на плечо.

— Завтра смена на восточной стене, — тихо сказала она. — Говорят, вчера ночью слышали вой. Не близко, но... отчетливо.

— С Юга, — констатировал он. — Они движутся.

— Твоя разведка... скоро? — в ее голосе прозвучала не просьба остаться, а сухая констатация, за которой скрывалась бездна страха.

— Когда прикажут. Через пару дней, наверное.

Она помолчала, затем ее рука нашла его руку, сжимающую ветошь.

— Найдешь еще людей. Для Района. — Это было не вопрос. Это было утверждение. Ее вера в него, выраженная таким, единственно возможным для них способом.

— Постараюсь, — ответил он, и это было самым большим признанием, на которое он был способен.

Они сидели так в тишине, слушая, как за окном воет не ветер, а где-то далеко, за тремя стенами и Вратами, начинала свою ночную песню новая, более страшная порода этого ада.

Район жил не только стенами и людьми. У него был скелет — его скудный, бесценный парк техники, за которым ухаживали, как за священными коровами древности.

В самом защищенном ангаре, примыкавшем к штабу, хранилось главное сокровище: вертолет. Не боевая машина, а маленький, четырехместный «Robinson R44», когда-то принадлежавший местной фирме, занимавшейся аэросъемкой. Его нашли в частном ангаре на окраине, с почти полным баком и исправным двигателем. Чудо. Теперь он был «Глазом». Его использовали в исключительных случаях, когда наземная разведка была невозможна или слишком рискованна. Для проверки слухов о крупных скоплениях мертвых. Для поиска особо ценных целей с воздуха. Или — в теории — для экстренной эвакуации ключевых специалистов, если стены падут. Пилотом был бывший инструктор летной школы, сухой, молчаливый мужчина по имени Лоуренс. Каждый полет был тщательно просчитанным риском. Топливо для «Глаза» было стратегическим запасом, на вес золота. Шум двигателя мог привлечь внимание за много миль. Но иногда один полет стоил десятка наземных вылазок.

Кроме «Глаза», были «рабочие лошадки». Пара старых пикапов с дизельными двигателями, способными работать на рапсовом масле, которое пытались выращивать на крыше. На них возили стройматериалы к стенам, доставляли воду из «Родника», эвакуировали раненых. Еще был бронированный грузовик для особо опасных миссий за Вратами — его называли «Броня». И несколько мотоциклов для быстрых рейдов связи между аванпостами. Все это имущество обслуживала небольшая, но фанатично преданная своему делу команда механиков в том же ангаре. Детали добывали в тех же вылазках, что и все остальное. Иногда чья-то жизнь на кону зависела от того, найдет ли Джек в развалинах автосервиса нужную шестерню или ремень ГРМ.

Эта техника была не просто транспортом. Она была символом. Намеком на утраченную мобильность, на превосходство над мертвыми, которые могли только брести или бежать. Она давала Району стратегическую глубину, пусть и в несколько десятков километров.

Джек, сидя с Оливией в их тихой квартире, иногда слышал далекий, едва уловимый гул — это тестировали двигатель одного из пикапов перед завтрашним рейсом к «Ферме». Звук был успокаивающим. Признаком работы системы. Признаком того, что они не просто засели в норе, а медленно, с невероятным трудом, пытаются восстановить крупницы контроля над окружающим хаосом.

Но этот контроль был хрупким. Как и их личный мир. Оливия вздрогнула, услышав вой, донесшийся сквозь закрытое окно. Не близкий. С юга. Длинный, тоскливый, полный чужой, нечеловеческой цели. Вой «Быстрого». Или нескольких.

Джек почувствовал, как ее пальцы сильнее сжали его руку.

— Слух чуткий, — пробормотала она, не открывая глаз. — Километра за три, наверное.

— Значит, пока далеко, — сказал он, но оба знали — «пока» было самым ненадежным словом в их словаре. «Быстрые» преодолевали километры быстрее, чем можно было предположить.

Они молчали, прислушиваясь. Вой не повторился. Его сменила привычная, гнетущая тишина ночного Района, нарушаемая лишь скрипом патруля на стене над ними.

— Завтра, — тихо начала Оливия, — после смены... может, сходим в общую? Говорят, привезли немного того сушеного яблока из «Фермы». По карточкам дают.

Это был ее способ сказать: «Давай сделаем что-нибудь нормальное. Пойдем на свидание».

Джек посмотрел на ее профиль, освещенный тусклым светом свечи. На синяк под глазом, который почти сошел. На упрямую линию губ.

— Ладно, — согласился он. — Сходим.

Это было все, что они могли себе позволить. План на завтра. Яблоки. Ее смена на стене. Его возможная подготовка к вылазке на Юг. И тихий ужин в их крепости из двух комнат, пока снаружи, за бетоном и сталью, новый, более быстрый кошмар учился выть в ночи. Их хрупкий мир держался на паутине таких планов, на работе пикапов и вертолета, на шести аванпостах и на тысяче пар уставших, но все еще цепляющихся за жизнь рук.

Следующий день тянулся для Джека вязко и медленно. Без вылазки, без срочных поручений из штаба, он чувствовал себя неприкаянно. Он проверил и перепроверил снаряжение, заточил нож до бритвенной остроты, пытался читать потрепанный технический справочник по двигателям, найденный в «Гараже». Мысли то и дело уносились к Югу, к тем неясным «огням», и к протяжному вою в ночи.

Оливия вернулась ровно в три, как и обещала. Ее лицо было серым от усталости и пыли с высоты, но глаза, встретившись с его взглядом, немного оживились. Они молча поели — разогретую вчерашнюю кашу. Потом она ушла в их маленькую ванную, и Джек услышал редкий, драгоценный звук — слабый плеск воды.

Когда она вышла, это была уже не часовая с северной стены. Она была в «нерабочей форме» — чистых, темных тренировочных штанах и просторной серой футболке. Волосы, еще влажные, были распущены по плечам, смягчая резкие линии ее лица. Она пахла мылом и собой, а не порохом и пылью бетона.

— Готов? — просто спросила она, надевая легкую ветровку.

Он кивнул, натягивая свою менее потрепанную куртку без разгрузки. Просто мужчина и женщина, идущие за яблоками. Почти.

Их путь лежал через внутренний двор к общему распределительному пункту — не к болтливому Феликсу, а к официальному, где выдавали пайки по карточкам. Вечерний воздух был непривычно... мягким. Один из немногих, странных подарков остановившегося мира. С исчезновением заводов, миллионов машин, гула мегаполисов, природа начала брать свое, медленно и неумолимо. Воздух, особенно на закате, был кристально чистым. Не таким, как в «старом мире», где он всегда был с примесью выхлопов и пыли. Здесь он был острым, холодноватым, и дышалось им так глубоко, что немного кружилась голова. Небо, лишенное светового загрязнения, начинало разгораться невероятными красками.

Солнце, клонясь к горизонту, било не в спину, а в лицо, заливая все вокруг золотым, теплым, почти медовым светом. Лучи его грели кожу Джека сквозь ткань куртки, приятным, живым теплом, напоминавшим о простых радостях вроде пикника где-то в далеком, невозвратном прошлом. Но главным чудом был свет на Оливии.

Он шел чуть сзади, наблюдая, как низкое солнце пронизывает ее распущенные темные волосы, создавая вокруг них рыжеватый, сияющий ореол. Оно подсвечивало мельчайшие, невидимые обычно морщинки, золотило кожу, сглаживая синяки и следы усталости. В этот момент, в этом свете, она не была солдатом или выжившей. Она была просто красивой молодой женщиной, идущей по улице на закате. Это зрелище растопило Джеку дыхание. Красота в их мире была такой же редкой и хрупкой вещью, как вертолет или банка с целыми помидорами. И видя ее сейчас, он понял, что готов платить любую цену, лишь бы этот свет иногда падал на нее.

Очередь у распределителя была, но короткая — время ужина. Джек, по привычке, было сделал шаг вперед, но Оливия легким касанием руки остановила его.

— Давай как все сегодня, — тихо сказала она, и в ее глазах читалась не просьба, а желание. Желание этой иллюзии нормальности, где они — просто пара в очереди.

Он отступил, кивнув, и встал позади нее. Они простояли минут десять, молча, плечом к плечу, слушая обрывки разговоров о ремонте водопровода, о том, что крольчиха опять принесла приплод, о том, как мальчишка с третьего этажа наловчился делать свистки из тростника. Обыденность.

Когда подошла их очередь, Оливия протянула обе их продовольственные карточки. Дежурный, суровая женщина в очках, отметила их и выдала небольшой, тщательно взвешенный пакетик. Внутри лежало несколько сморщенных, темных долек сушеного яблока. Аромат, сладкий и терпкий, ударил им в нос — забытый запах настоящей еды, не консервов.

Они пошли обратно, уже не торопясь. Закат разгорался вовсю, окрашивая бетонные коробки Района в фантастические лиловые, оранжевые и розовые тона, превращая унылый лагерь выживания в декорацию к какой-то постапокалиптической сказке.

— Красиво, — негромко произнесла Оливия, глядя на небо.

— Да, — согласился Джек, глядя на нее.

Они доели свои яблочные дольки уже на скамейке у их подъезда, делясь ими пополам, растягивая удовольствие. Сахар, настоящий, фруктовый сахар, был роскошью. Они сидели в тепле уходящего дня, в чистом, прозрачном воздухе, под небом невиданной красоты, и на несколько минут мир перестал быть крепостью, окруженной смертью. Он стал просто местом, где они были вместе. И в этой тихой, сияющей точке времени их безымянное чувство уже не нуждалось в словах. Оно было таким же очевидным и реальным, как солнечный свет в ее волосах и сладкий вкус яблока на губах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОГНИ И ТИШИНА

Стук в дверь был не просто громким. Он был официальным. Жесткие, отрывистые удары кулаком или прикладом по дереву, ритмичные, как метроном. Не просьба, не стук друга. Это был приказ, отлитый в звуке.

Джек проснулся за мгновение до того, как Оливия резко села на койке. В комнате было еще темно, предрассветный сумрак. Стук повторился, еще наглее. Пять минут. Правила. Пять минут на сборы после ночного вызова, иначе — штраф в кредитах. Потом — принудительная явка с конвоем. Система не терпела неповиновения, даже по мелочам.

Он уже был на ногах, движения выверенные, доведенные до автоматизма. Штаны, ботинки, рубаха. Разгрузка висела на спинке стула, всегда наготове. Он натянул ее, проверил на вес пустые подсумки. Из ящика достал свой пистолет, привычным движением проверил патрон в патроннике, сунул за пояс. Нож на голенище. Рюкзак, уже укомплектованный базовым набором: фляга с водой, пачка сухарей, банка тушенки, аптечка, фонарик, веревка, спички в непромокаемой упаковке. Все укладывалось в тридцать секунд.

Оливия смотрела на него, сидя на кровати, обняв колени. Ее лицо в полумраке было бледным, но без паники. Только глаза, широко открытые, ловили каждый его жест. Она знала. Они оба знали.

Он подошел к койке, наклонился. Его губы коснулись ее лба — сухое, быстрое, но невероятно нежное прикосновение.

— Вернись, — хрипло выдохнул он, уже отстраняясь. Это было все, что он мог позволить себе. Обещание, которое, может, и не в его власти было сдержать.

Она кивнула, один раз, резко. Ее рука на мгновение легла на его руку, сжимающую ремень рюкзака, затем отпустила.

Он вышел, захлопнув за собой дверь, оставив ее одну в темноте с эхом стука в дверь и привкусом яблока, съеденного два дня назад.

В штабе царило напряжение другого сорта — не предрассветная сонливость, а сжатая, молчаливая тревога. Сержант Горский выглядел так, будто не спал несколько суток. На столе перед ним была развернута карта, испещренная пометками.

— Группа «Дельта-три», — начал Горский, без предисловий, тыча пальцем в точку к юго-востоку от Района. — Маршрут стандартный: обследовать старый складской район по координатам, сделать крюк на юг, проверить слухи об огнях в районе водонапорной башни, вернуться. Пять дней. Шесть — максимум. Сегодня четырнадцатый.

Джек молча слушал. Три человека. Опытные. Не новички. Пропадать без вести на день-два — в пределах нормы. На неделю — уже ЧП.

— Последний сеанс связи был на четвертый день, — продолжал Горский. — Докладывали, что район чист, движутся к точке «Башня». Потом — тишина. Ни выстрелов по тревожному каналу, ни сигналов. Просто пропали.

На карте была нарисована жирная красная линия — маршрут «Дельты-три», и жирный красный крест в районе водонапорной башни.

— Твое задание — не добыча. Не колонизация. — Горский посмотрел на Джека тяжелым взглядом. — Поиск и разведка. Дойти до башни. Установить судьбу группы. Узнать, что за огни. Никаких рисков кроме необходимых. Ты идешь налегке, чтобы быстро двигаться и так же быстро вернуться. Понял?

— Понял, — кивнул Джек. Пять дней туда-обратно, если идти быстро и не задерживаться. Еды и воды в его рюкзаке как раз на такой срок.

Горский махнул рукой, и один из помощников поднес оружие. Не привычный пистолет, а автомат. Старый, но ухоженный АКМ. Три магазина. Граната Ф-1 — «лимонка».

— Бери. На всякий. «Быстрых» все больше. И кто за огнями — неизвестно.

Джек взял автомат, привычным движением проверил затвор, пристегнул магазины к разгрузке. Вес был другим, непривычным, но обнадеживающим. Гранату сунул в специальный карман на груди.

— Мотоцикл довезет до старой заставы у третьей стены. Дальше — пешком. Каждые двадцать четыре часа ждем сигнал «все чисто» в назначенное время. Не будет сигнала три дня — ставим статус «пропал». Месяц — «погиб». — Горский говорил сухо, как диктор, зачитывающий погоду. — Вопросы?

— Состав группы «Дельта-три», — сказал Джек.

— Мэтью, Карлос, Шон. Знаешь их?

Джек кивнул. Мэтью — молчаливый стрелок, бывший морпех. Карлос — веселый уалец, мог починить что угодно. Шон — молодой, но толковый, с острым зрением. Не те, кто бы просто заблудился.

— Тогда в путь. Удачи.

Никаких напутствий, никаких «вернись». Только приказ и расчет. Так было правильнее.

Мотоцикл, «Ямаха» с глушителем, обмотанным тряпьем для тишины, ждал его у ворот штаба. Водитель, парень в шлеме, кивнул. Джек вскочил в коляску, прижав к себе автомат. Они рванули по пустынным утренним улицам Района, мимо темных окон, мимо патрулей, зевающих на постах.

На КПП у третьей, последней стены их пропустили без слов. Ворота в ней были узкими, рассчитанными только на людей и мототехнику. За ними — нейтральная полоса, сто метров колючей проволоки и завалов, а дальше — Врата, ведущие уже в ничейную землю.

Мотоцикл высадил его у полуразрушенного домика — старой заставы. Дальше дорога, вернее, то, что от нее осталось, уходила на юг, в холмы.

— Удачи, — бросил водитель и развернул байк.

Джек остался один. Предраассветный холод пробирался под куртку. На востоке алела узкая полоска зари. Он взвел затвор автомата, проверил крепление ножа, поправил рюкзак.

Перед ним лежал путь к водонапорной башне, к таинственным огням и к молчанию, в котором растворились трое опытных людей. Он был налегке. Только оружие, вода, еда и приказ.

Он сделал первый шаг на юг, оставляя за спиной стены и свой хрупкий мир, растворяясь в серых сумерках наступающего дня.

Он шел весь день, двигаясь быстрым, экономичным шагом разведчика, который знает цену каждому километру. Дорога быстро сменилась разбитым шоссе, потом грунтовкой, заросшей молодым бурьяном, пробивавшимся сквозь трещины в асфальте. Воздух был по-прежнему чист и холоден. Тишину нарушали лишь крики воронья, шелест ветра в сухой траве и далекие, неясные звуки, которые могли быть чем угодно.

Джек не чувствовал страха. Вместо него было сосредоточение. Его чувства работали на максимум: зрение сканировало обочины, пригорки, развалины домов на горизонте; слух ловил малейший подозрительный шорох; обоняние улавливало знакомые запахи тлена, гари, а иногда — внезапный, сладковатый аромат диких цветов, пробивающийся сквозь всеобщую смерть.

Тело работало как хорошо смазанный механизм, но ум был отделен от него. Он думал о карте, которую видел в штабе. Красная линия, ведущая к водонапорной башне — старой, железной конструкции, которая должна была возвышаться на холме. «Огни». Что это могло быть? Костры другой группы выживших? Отблески на стеклах? Сигналы? Или что-то менее понятное? И главное — куда пропала «Дельта-три»? Они наткнулись на «быстрых»? Попали в засаду? Или нашли что-то, что заставило их нарушить график?

К вечеру ноги начали ныть знакомой, глухой болью, но он прошел хорошее расстояние. Судя по карте в его голове, если заночевать здесь, то завтра к вечеру он должен был выйти к башне. Он выбрал место для ночевки не на земле. Риск был слишком велик. Вместо этого он нашел высокую, полузасохшую ель на окраине небольшой рощи. Ствол был толстым, ветви — крепкими и густыми.

С наступлением сумерек, когда мир окрасился в синие и фиолетовые тона, он, с трудом преодолевая усталость в мышцах, забрался наверх. Нашел развилку в паре метров от земли, где мог относительно удобно устроиться, прислонившись спиной к стволу. Привязал себя веревкой к ветке, на случай если сон будет слишком глубоким. Автомат положил на колени, пистолет — в кобуру на груди, чтобы легко достать.

Сидеть на дереве было холодно и неудобно, но безопасно. Отсюда он видел окрестности на сотни метров. Ничего не двигалось. Только ветер качал верхушки деревьев и гнал по небу редкие облака. Звезды начали загораться одна за другой, невероятно яркие в отсутствии любого другого света.

Он достал сухарь и немного воды. Ел медленно, растягивая. Потом, в последних лучах света, еще раз мысленно прошелся по маршруту. Завтра: пересечь высохшее русло ручья, пройти через поселок (обойти его с востока, по полю), потом подъем на холм. И там... башня. И ответы. Или новые вопросы.

Когда последний свет угас, его накрыла усталость. Но сон не шел. В темноте, под мерный скрип ветвей, его мысли, которые он так строго держал в узле днем, начали расплываться. Он чувствовал пустоту в груди, холодное место, где утром лежала ее голова. Он вспоминал, как свет заката играл в ее волосах. Как она сказала «давай как все» в очереди. Ее пальцы, сжавшие его руку перед уходом.

Это была опасная слабость. Ночевка на дереве, в полной темноте, была не временем для бдительности, а временем для демонов, которые всегда ждали своего часа. Демонов в виде воспоминаний и «а что, если». Что, если он не вернется? Что, если «огни» — это ловушка? Что, если «Дельта-три» уже мертвы?

Он заставил себя дышать глубже, ровнее. Сосредоточился на физических ощущениях: шершавая кора под спиной, холодный металл автомата под пальцами, легкое покачивание от ветра. Он не был один. С ним были его оружие, его навыки, его воля.

Постепенно мысли утихли, уступив место животной, накопленной за день усталости. Глаза закрылись. Сознание поплыло, но не в глубокий сон, а в чуткую, тревожную дремоту солдата, который даже во сне прислушивается к миру вокруг.

Утро встретило его ледяным туманом, стелющимся по низинам. Спустившись с дерева, он размял затекшие мышцы и почти сразу заметил движение. Метрах в ста, у кромки леса, ковыляли трое «молчунов». Обычные, медленные, с застывшими гримасами и волочащимися ногами. Джек не стал тратить патроны. Снял автомат с предохранителя, но не стал стрелять. Вместо этого он, используя складки местности, обошел их широкой дугой. Риск привлечь внимание звуком выстрела был неоправдан. Пусть бредут себе дальше.

Позавтракал он на ходу, разжевывая сухарь и запивая его глотком воды из фляги. Вкуса не было, только текстура и необходимость. Пересекая пересохшее русло ручья, он не заметил скрытую под слоем опавших листьев топкую грязь. Левый ботинок с хлюпающим звуком ушел по щиколотку в ледяную жижу. Поклявшись про себя, он выбрался, но неприятное ощущение холодной, мокрой ноги осталось с ним на несколько часов. Мелкая оплошность, но в их деле даже мелкое неудобство могло стоить жизни.

Он обошел поселок с востока, как и планировал, двигаясь по заброшенному полю. Отсюда, с расстояния в пару сотен метров, поселок казался игрушечным и безжизненным. Часть домов сгорела дотла, оставив после себя лишь почерневшие каминные трубы, торчащие из груды углей и мусора. Другие стояли почти целые, но мертвые. Окна — темные глазницы,

крыши провалились, стены обросли мхом и плющом, который уже давно перестал быть декоративным и стал могильным саваном. Ни движения, ни звука. Только ветер гудел в пустых проемах.

«Там мог бы быть кто-то, — промелькнуло у него в голове. — Семья. Дети. Собака. Телевизор вечером». Но сейчас там не было ничего. Только пыль, тлен и, возможно, пара «молчунов», запертых в подвале. Эти руины больше не были домами. Они были скорлупками, памятниками миру, который съел сам себя. Он смотрел на них без ненависти и без тоски. Но где-то глубоко внутри, в том самом месте, где хранились яблоки и закат в волосах Оливии, щемило. Потому что он понимал: если Район падет, их квартира, их росток в банке, их фотография в рамке — очень скоро станут такими же. Пылью и воспоминанием.

Он отвернулся от поселка и ускорил шаг.

К водонапорной башне он вышел уже на излете дня, когда солнце скатилось за холмы, но небо еще держало остатки синевы, а земля тонула в глубоких сиреневых сумерках. Башня была именно такой, как он представлял: высоченная, ржавая решетчатая конструкция, увенчанная круглым баком. Она стояла на голой вершине холма, одинокая и зловещая, как маяк в мире мертвых.

Джек замер в последней полосе кустарника перед открытым пространством. Ни огня, ни движения. Тишина. Слишком тихая. Он начал осторожное приближение, используя каждую кочку, каждый камень. И тогда его взгляд упал на куст у самого основания башни.

Из-под колючих ветвей торчала нога в знакомом, камуфлированном ботинке, который выдавали в Районе. А рядом — часть разгрузки. Джек, пригнувшись, подполз ближе.

Их было двое. Вернее, то, что от них осталось. Карлос и Шон. Тела были обглоданы до костей, причем так, как не глодают «молчуны». Это была работа «быстрых» — стремительная, хищная, оставляющая после себя лишь лоскутья формы и белесые, исчерченные глубокими царапинами кости. Оружия рядом не было. Рюкзаков — тоже. Только пустые гильзы от патронов калибра 5.45 валялись неподалеку — они отстреливались.

Джека не тошнило. Он видел и не такое. Но внутри все похолодело. Где Мэтью? Третьего тела не было. Ни следов волочения, ни кровавого пути. Мэтью либо ушел, либо... его утащили.

Адреналин заставил его действовать быстро и молча. Он обыскал останки. Нашел у Карлоса в нагрудном кармане потрепанный блокнот — сунул себе. У Шона в разорванной куртке торчала невредимая фляга — почти полная. Он взял ее. Пару нерастраченных магазинов для АК, валявшихся в траве неподалеку, тоже отправил в свой рюкзак. Еды не было. Ее либо съели, либо забрали.

Он уже собирался отползать назад, к укрытию, чтобы осмотреться, как вдруг тишину разорвал звук.

Вой.

Не далекий, не эхом по холмам. Близкий. Пронзительный, полный дикой энергии и голода. Он прозвучал буквально в сотне метров, за следующим склоном холма, скрытым от его глаз. И не один. К первому тут же присоединился второй, третий. Целая стая. И они были не на покое. Они были, чуя добычу. И добычей был он.

Сердце Джека ударило в ребра с такой силой, что перехватило дыхание. Он замер, вжавшись в землю у зловонных останков товарищей, его пальцы судорожно сжали приклад автомата. Сумерки сгущались с неумолимой скоростью. А в ста метрах от него, за склоном, начинала свою ночную охоту стая «быстрых».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. СТАЯ

Вой оборвался так же внезапно, как и начался. На смену ему пришла тишина, но это была не прежняя, пустая тишина мертвого мира. Это была тишина затаившегося хищника. Воздух казался густым, тяжелым, налитым ожиданием.

Джек не двинулся с места. Он прилип к земле, слившись с тенями у подножия башни, его взгляд метался по гребню ближайшего склона, за которым скрывался источник звуков. Сотня метров. Для «быстрых» — несколько секунд бега. Он должен был отползти. Немедленно. Искать укрытие. Башня? Лестница была снаружи, открытая, он станет мишенью. Кусты? Слишком ненадежно.

Мысли металась, пытаясь найти решение, но тело уже знало правду — времени не было. Он только начал отводить локоть, чтобы оттолкнуться и катиться в сторону, когда из-за гребня, не в полный рост, а низко, почти по-кошачьи, выдвинулась тень.

Она не выбежала. Она выпрыгнула. Одним мощным, пружинистым движением, преодолев оставшиеся метры за два прыжка. Нечеловеческая скорость, которую даже не передавали слухи. Джек успел только вскинуть автомат, но было уже поздно.

Тварь врезалась в него всем своим весом. Это был таран. Он услышал, как воздух с хрипом вырвался из его легких. Мир кувыркнулся, земля и небо поменялись местами. Автомат вырвало из рук и отшвырнуло в сторону. Он ударился спиной о землю, и боль, острая и яркая, пронзила его от лопаток до копчика.

Над ним нависло лицо. Не обвисшее и тупое, как у «молчунов». Это лицо было поджарым, с натянутой, серой кожей, обнажавшей оскал неестественно длинных, желтых зубов. Глаза не были мутными. Они горели тусклым, но осознанным желтым огнем, полным одного желания — разорвать. Тухлое дыхание, пахнущее гниющим мясом и чем-то химическим, ударило ему в лицо. Цепкие, сильные пальцы впились ему в плечи, прижимая к земле. Он видел, как мышцы на оголенной, синей от гнили шее твари напряглись для укуса.

Инстинкт, древний и животный, оказался быстрее мысли. Рука Джека, не зажатая телом зомби, рванулась не к пистолету на груди. Она рванулась к ножу на голенище. Пальцы нашли рукоять в слепую, вырвали клинок из ножен.

«Быстрый» уже раскрывал пасть, чтобы вонзиться в его горло.

Джек, не целясь, с силой всадил нож ему в бок, под ребра, пытаясь добраться до чего-то жизненно важного в этом уже неживом теле. Клинок вошел с глухим, неприятным хрустом. Тварь взвыла — не вой далекой стаи, а короткий, яростный визг боли и ярости прямо над его ухом. Ее хватка на мгновение ослабла.

Этого мгновения хватило. Джек, собрав всю силу, выгнулся, пытаясь сбросить ее. Он уперся коленом в ее живот и рванулся в сторону. Тварь, пронзенная ножом, завалилась на бок, но тут же попыталась встать, вырывая клинок из собственного тела темной, вязкой жидкостью.

Джек откатился, спина кричала от боли, в глазах плясали черные пятна. Он нащупал на земле свой автомат, вскочил на одно колено. «Быстрый» уже поднимался, игнорируя нож, торчащий у него в боку, его желтые глаза снова нашли Джека.

И тут раздались новые звуки. Не вой. Шорох. Топот. Быстрый, легкий. Из-за гребня, один за другим, появились еще двое. Они не бежали напрямую. Они расходились, пытаясь окружить его. Их движения были скоординированными, как у волчьей стаи.

Сердце Джека упало. Один на один он еще мог отбиться. Против троих, без укрытия... Шансов не было.

Он вскинул автомат, целясь в ближайшего, того самого, первого, с ножом в боку. Его палец лег на спусковой крючок. И в этот момент его взгляд скользнул по башне, по ее ржавым опорам.

Лестница. Узкая, открытая. Смертельная ловушка, если они полезут за ним. Но наверху, на площадке под баком... оттуда можно обороняться. Это был единственный шанс. Безнадежный, суицидальный, но единственный.

Первый «быстрый» уже делал рывок. Джек нажал на спуск.

Грохот выстрела оглушительно разорвал вечернюю тишину. Очередь, короткая, в три патрона, прошла грудь твари. Она отшатнулась, но не упала. Пули, пробив гнилую плоть, не сработали как стоп-удар. Они только разозлили ее.

Выстрел был сигналом. Для стаи и для всего мира. Теперь все знали, где он.

Джек развернулся и, не оглядываясь, побежал к лестнице.

Рычание, которое вырвалось из груди раненого «быстрого», было лишено чего-либо человеческого. Это был звук рвущегося металла и лопающейся плоти. Пули не остановили его. Они вогнали в него дику, слепую ярость. И эта ярость передалась остальным.

Джек уже бежал, отталкиваясь от земли, спинная боль забылась, ее сменил леденящий ужас, тошнотворный и сладковатый. Он слышал за спиной не просто топот. Слышал шуршание — стремительное, как бег ящерицы по сухой листве. Они не бежали по прямой. Они двигались зигзагами, отскакивая от земли, их тела были сгустками неестественной энергии.

Лестница башни была в двадцати метрах. Она казалась бесконечно далекой. Каждый его вздох рвал легкие. Он бросил взгляд через плечо.

И увидел их.

Тот, с ножом в боку, тащился сзади, черная жижа хлестала из раны. Но двое других уже обходили его с флангов. Их лица в сгущающихся сумерках были похожи на маски из стянутой пергаментной кожи. Рты были растянуты в беззвучных рыках, обнажая ряды острых, сходящихся клиньями зубов. Глаза не просто светились — они пылали тусклым, больным желтым светом, в котором не было ни мысли, ни души, только бесконечный, всепоглощающий голод.

Один из них, самый проворный, оттолкнулся от земли и прыгнул. Не на Джека — ему перекрывали путь. Он вцепился в одну из нижних металлических опор башни и, с кошачьей ловкостью, начал карабкаться вверх, на встречу ему, перепрыгивая с балки на балку, его скрюченные пальцы с тупыми, почерневшими ногтями цеплялись за ржавое железо.

Джек рванул вперед, последние метры преодолевая в отчаянном прыжке. Его пальцы вцепились в холодные, облупленные перила лестницы. Он влетел на первые ступени, не чувствуя ног. Снизу донесся свист и хриплый вздох — второй «быстрый» попытался схватить его за ногу, но промахнулся на сантиметры.

Лестница вибрировала под его ногами. И не только от его бега. Она вибрировала от того, что по ней снизу, с жуткой, нечеловеческой скоростью, уже карабкался первый зомби. Скрип железа, лязг, прерывистое, хлюпающее дыхание прямо под ним.

Джек не смотрел вниз. Он лез вверх, хватаясь за поручни, его ботинки скользили по ржавым ступеням. Высота. Ему было противно высоты, но сейчас это был единственный друг. Воздух стал разреженным, холодным. Где-то на середине подъема он рискнул бросить взгляд вниз.

Тот, что был ранен, стоял у основания, запрокинув голову, и следил за ним горящими глазами. Двое других уже схватились за лестницу и начали подъем. А тот, первый, карабкающийся по каркасу, был уже почти с ним на одном уровне, метрах в пяти по диагонали, отделенный только пустотой и редкими перекладинами. Он замер, уставившись на Джека, и его челюсть беззвучно задвигалась, словно он уже пережевывал плоть.

Джек полез выше. Его руки дрожали от напряжения, во рту пересохло. До площадки под баком оставалось еще метров десять. Десять метров вертикальной, открытой со всех сторон клетки. А снизу, лязгая когтями по металлу, поднималась смерть.

Он был в ловушке. В гигантской, ржавой ловушке, и добычей был он. И с каждой секундой зубы голода становились все ближе.

Он вырвался на площадку — узкое пространство вокруг основания гигантского ржавого бака. Отсюда открывался вид на холмы, тонущие в глубоких синих сумерках, но ему было не до видов. Он развернулся, вскидывая автомат, и увидел, как из люка, ведущего в сам бак, свисает рука. Непроизвольное движение. Кто-то там был.

Но времени на раздумья не было. На краю площадки появилась первая голова. Тот, что лез по каркасу. Его желтые глаза нашли Джека, и он, рыча, попытался перебросить ногу через перила.

Джек выстрелил почти в упор. Короткая, контролируемая очередь. Пули ударили в грудь и шею твари. Ее отбросило назад, и она, издав пронзительный визг, сорвалась в пустоту. Глухой удар тела о землю внизу был ужасающе четким.

Но лестница дрожала. Поднимались двое других. Джек отступил к баку, прижавшись спиной к холодному металлу, и стал ждать. Он дышал рвано, сердце колотилось где-то в горле. Когда первая рука вцепилась в край площадки, он не стал ждать, пока появится голова. Он присел и ударил прикладом автомата по пальцам. Раздался сухой хруст. Послышался вой, но хватка не ослабла. Напротив, вторая рука впилась в металл, и «быстрый» рванул себя вверх всем телом.

Джек отпрыгнул, выстрелил навскидку. Пуля срикошетила от балки, но одна все же задела плечо зомби. Он уже был на площадке. За ним, тяжело дыша, вылез и второй, тот, что был ранен ножом. Клинок все еще торчал у него в бок.

Двое на узкой площадке. Джек оказался в углу, зажатым между баком и пустотой. Они приближались не спеша, словно чувствуя, что добыча в ловушке. Их глаза горели в сгущающейся тьме.

Джек встретил их длинной очередью. Пули прошили грудь ближайшему, сбив его с ног, но не остановив — тварь поднялась, рыча. Второй, раненый, двигался быстрее. Джек перенёс огонь на него, и автомат замолчал — магазин опустел. Он бросил АКМ на пол, выхватывая пистолет, но не успел выстрелить. Тот, раненый, воспользовался заминкой. Он не прыгнул, а провалился вперед, всей своей массой. Джек не успел отскочить. Они свалились на пол площадки, пистолет выскользнул из его руки и со звоном укатился к краю. Тварь оказалась сверху. Её лицо, искажённое яростью и болью, было в сантиметрах от его. Он упирался ей в горло предплечьем, отодвигая эти страшные зубы, а свободной рукой пытался достать хоть что-нибудь.

Пальцы нащупали гранату в нагрудном кармане. «Лимонку». Но это было безумие. Здесь, на площадке...

А потом он увидел, как когти «быстрого», острые и прочные, как стальные крючья, впиваются не в него, а в его разгрузку. Тварь не пыталась его укусить сейчас — она рвала. Она рвала ткань, ремни, под сумки с дикой, целенаправленной яростью, целясь в живот. Раздался треск лямок, хлопок рвущегося капрона. Вся его разгрузка, его броня, его система выживания, была разорвана и стащена с него одним мощным рывком. Но в тот миг, когда тварь отвлеклась на разгрузку, её хватка на мгновение ослабла.

Этого мгновения хватило. Джек, собрав последние силы, рванул вбок. Его взгляд упал на рукоять ножа, торчащую из бока зомби. Тот самый нож, который он всадил в него внизу. «Быстрый» даже не заметил его — или не обращал внимания. Джек дотянулся, схватил скользкую от чёрной жижи рукоять и с силой рванул клинок вверх, распарывая твари бок до самой шеи. Тварь взвыла, её хватка ослабла окончательно. Джек оттолкнул её, откатился в сторону и вскочил на ноги.

Раненый «быстрый» всё ещё пытался подняться, трясая головой, из раны на боку хлестала чёрная жижа. Джек, не теряя ни секунды, подхватил с пола свой пистолет, прицелился и нажал на спуск. Выстрел — в голову. Тварь замерла, пошатнулась и рухнула замертво.

Тишина. Оглушительная, звенящая тишина после кошмара. Джек сидел на холодном полу, опираясь на пистолет, и тяжело, судорожно дышал. По его телу прокатилась дрожь — отзвук адреналина и ужаса. Он был жив. Они мертвы.

Он посмотрел на свою грудь. Разгрузка висела ключьями. Ремни были порваны, подсумки оторваны или растянуты, их содержимое — часть магазинов, аптечка — вывалилось и валялось вокруг. Надеть это обратно было невозможно. Она превратилась в груды тряпья и ремешков. Его броня была уничтожена.

И только тогда он вспомнил про руку, свисавшую из люка бака.

Осторожно, держа пистолет наготове, он подошел. Рука принадлежала мужчине в камуфляже Района. Тому самому, которого не хватало внизу. Мэтью.

То, что он увидел внутри, заставило его сглотнуть ком, подступивший к горлу. Это было не тело. Это были останки. Сильно, гораздо сильнее, чем те двое внизу. Будто над ним поработала не стая, а какой-то... механизм. Кости были переломаны в нескольких местах, не просто обглоданы, а раздроблены. Ребра торчали неестественными углами. От лица почти ничего не осталось. Определить, что это точно Мэтью, можно было только по ключьям формы и по татуировке на уцелевшем фрагменте предплечья — якорь, символ его прошлой службы.

Его не просто убили. Его разобрали. С какой-то дикой, необъяснимой тщательностью.

Джек отвернулся, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Это было хуже, чем просто смерть. В этом был какой-то ужасающий смысл, который он не мог понять.

Он быстро собрал то, что уцелело из его снаряжения. Два магазина к автомату, нож, флягу с водой. Порванную разгрузку он сбросил с себя — она только мешала. Теперь все необходимое было либо в карманах штатов, либо за поясом. Он чувствовал себя уязвимым, голым без привычной системы на груди.

Он подошел к краю площадки, глядя вниз, в почти полную темноту. Там лежали три тела. И где-то там, в ночи, могли бродить еще. Вой, который он слышал, принадлежал стае. А стая, как правило, больше трех особей.

Ему нужно было спускаться. Искать укрытие на земле. Пережить ночь. А утром... утром нужно было понять, что здесь произошло. И что за огни видели на самом деле.

Но сначала нужно было выбраться из этой железной клетки наверху, спуститься по темной, скрипящей лестнице, не зная, ждет ли его внизу еще один набор желтых, горящих глаз.

Он взвел затвор автомата, проверил крепление фонарика. Ночь только начиналась.

Спуск по лестнице в полной темноте был пыткой. Каждый скрип металла под его ногой отдавался в тишине гулким эхом, и Джек замирал, прислушиваясь к ответному рыку из темноты внизу. Он не включал фонарик — свет был бы маяком для всего, что бродило в округе. Ориентировался на ошупь и на слабый свет звезд, пробивавшийся сквозь редкие облака.

Внизу было пусто. Три темных бесформенных пятна — тела — лежали неподалеку. Он обошел их стороной, не глядя. Собрал в кучу все, что нашел полезного рядом с телами погибших разведчиков.

Потом он остановился и, наконец, позволил себе вздохнуть. Дрожь, которую он сдерживал все это время, прокатилась по телу волной. Он почти умер. Почти. Сейчас, в безопасности на земле, это осознание накрыло его с новой силой. Он чувствовал на плечах призрачное давление когтей, впивающихся в разгрузку, видел перед собой искаженное лицо твари с горящими глазами. Слышал хруст пальцев под прикладом и вой падающего в пустоту зомби. Каждый момент борьбы проигрывался в голове с кинематографической четкостью.

Ему повезло. Не навык, не хладнокровие — хотя и они были — а чистая, слепая удача. Один сантиметр, полсекунды — и зубы вонзились бы не в воздух, а в его горло.

Он прислонился к холодной опоре башни, закрыв глаза, и вдруг, сквозь ужас только что пережитого, прорвалось другое воспоминание. Не о тварях. О людях. Оскар, Макс, Дженнифер. Их последний лагерь в лесу. Они сидели у костра, делились последней банкой тушенки, смеялись над чем-то глупым. И тогда не было «быстрых». Были только «молчуны» — медленные, предсказуемые, почти нестрашные на фоне голода и холода. Их смерть была ужасной, но... простой. Выстрел, бандиты. Не эта чудовищная, хищная эффективность, не эта стайная охота.

«Вы бы не выжили здесь, — подумал Джек с горькой, странной нежностью о своих погибших друзьях. — Вы были слишком... человечными для этого нового ада».

Он выпрямился, оттолкнувшись от башни. Дрожь утихла, сменившись знакомым, ледяным онемением. Страх был упакован и отложен в самый дальний ящик сознания. Работа не была закончена.

Огни. Он должен был проверить огни. Это был приказ. И теперь, после того что он видел, это стало еще важнее. Что, если там источник? Что, если эти огни как-то связаны с новой породой ужаса?

Он быстро сориентировался по звездам и карте в голове. До места, где видели огни, отсюда было несколько километров на юго-запад. Если идти быстро, без остановок, он мог дойти до рассвета, мельком проверить и сразу же, не теряя ни часа, повернуть обратно, к Району. Нести не добычу, а информацию. Предупреждение. И доказательство — блокнот Карлоса, может, там есть записи.

Мысль о возвращении в Район, в свою комнату, к Оливии, была как глоток воды в пустыне. Он представил себе не ее объятия — на это он пока не мог позволить себе думать. Он представил себе их скудный запас, и мысленно пообещал себе: когда вернется, он спустит все оставшиеся кредиты на самый крепкий, самый отвратительный самогон, который только найдет у Феликса. Выпьет один, в темноте, чтобы смыть со рта привкус пороха, тухлого дыхания и этого леденящего, животного ужаса. А потом ляжет спать, и, может быть, на одну ночь, не будет слышать вой в своих кошмарах.

Он с силой тряхнул головой, отгоняя мечты. Сначала нужно было пережить эту ночь. Он взглянул в сторону, где должны были быть огни — только черный силуэт дальних холмов на фоне чуть более светлого неба. Он поправил сумку на плече, проверил, легко ли выхватывается пистолет из-за пояса, и тронулся в путь быстрым, бесшумным шагом, растворяясь в темноте, как тень, унося с собой тяжесть пережитого и тяжкое бремя нового знания, которое могло изменить все для тех, кто остался за стенами.

Ночь сгущалась до абсолютной черноты, и тогда с неба обрушилось небо. Не дождь, а настоящий ливень, холодный, пронизывающий, смывающий все звуки и запахи, превращающий мир в хлюпающую, темную кашу. Джек шел, сторбившись, вода заливалась за воротник, стекала по спине, промочила его насквозь за минуты. Но он почти был благодарен дождю — он скрывал звук его шагов, смывал запах пота и крови.

Именно холод струйки, затекшей под одежду, заставил его нащупать на груди странное, жгучее ощущение. Не боль, а скорее настойчивое покалывание. Он остановился под скудным прикрытием полуобвалившегося забора, достал фонарик, прикрыл его ладонью и направил свет на себя.

На груди, чуть ниже ключицы, зиял неглубокий, но четкий порез, сантиметра в три длиной. Края были ровными, будто от лезвия. Вспышка памяти: тот самый момент, когда «быстрый» рвал его разгрузку. Не только когти, но и какой-то острый фрагмент кости или зуба, торчащий из его тела? Он даже не почувствовал тогда, на пике адреналина.

Заражение через порез? Таких случаев официально зафиксировано не было. Вирус, казалось, передавался только через глубокий укус, через попадание слюны в кровь или через слизистые. Порез от когтя или зуба считался относительно безопасным, если его быстро промыть.

Но «считался» — не значит «был». Никто не изучал это должным образом. В мире, где любая царапина могла загноиться и убить тебя без антибиотиков, этот порез был как тикающая бомба.

Джек, не теряя темпа, сунул фонарик обратно, достал из кармана маленькую пластиковую бутылочку с разведенным спиртом.. Стиснув зубы от жжения, он вылил содержимое на порез, растирая его грязными пальцами. Дезинфекция на уровне каменного века. Потом порывлся в сумке, нашел относительно чистый обрывок бинта из аптечки Карлоса и наскоро прижал его к ране, закрепив полоской скотча. Все это он проделал почти не останавливаясь, его ноги механически продолжали движение по размокшей грунтовке.

Он уже почти смирился с тем, что не увидит «огней» — в такую погоду ни один костер не выстоит. Но когда он поднялся на очередной пологий холм, его глаза, привыкшие вглядываться в темноту, выхватили нечто иное.

Внизу, в лощине, стояло несколько машин. Не брошенных, а, похоже, намеренно расставленных полукругом, образуя импровизированное ограждение. И у них горели фары. Тускло, призрачно в завесе дождя, но горели. А в центре полукруга, под каким-то натянутым брезентом, прыгал огонь костра. Не открытый, а скорее, в какой-то металлической бочке — его отблески рисовали на мокром брезенте движущиеся тени.

Люди. Силуэты людей. Их было пятеро, может, шестеро. Они сидели или стояли у костра. Никакой агрессивной суеты, никаких часовых на виду. Но и не похоже на мирных путников. Слишком организовано, слишком... намеренно. Бандиты? Другая группа выживших? Слишком темно и далеко, чтобы разглядеть детали. Бинобль он не взял — шел налегке.

Джек замер, затаившись в кустах на склоне холма. Дождь хлестал по его спине, вода затекала в ботинки. Он наблюдал. Минуту. Пять. Десять. Люди у костра просто сидели. Один встал, подбросил в бочку что-то, сел обратно. Никакой тревоги, никаких признаков, что они заметили его или кого-то еще.

И тут его накрыла волна усталости такой силы, что его чуть не вырвало. Адреналин окончательно иссяк, оставив после себя пустоту, дрожь в коленях и леденящее понимание собственной уязвимости. Он сидел под проливным дождем, с порезом от монстра на груди, наблюдая за незнакомцами в ночи, после того как едва не был разорван на куски. Мысль подползти ближе, попытаться рассмотреть, услышать — казалась сейчас чистым безумием.

Его миссия была: «Проверить огни». Он их проверил. Это не природное явление. Это люди. Не его группа. Чужие. Враждебные или нет — не важно. Важно то, что он должен был немедленно сообщить об этом в Район.

Джек потянулся к поясу, где висела рация, выданная перед выходом, — нужно было доложить в Район, сообщить координаты. Пальцы нащупали пустоту. Он обшарил себя — ни на поясе, ни в карманах, ни в подсумках. Рации не было. Потерял в той адской схватке на башне, когда «быстрый» рвал его разгрузку. Или она выпала, когда он спускался по лестнице. Так или иначе, связаться с Горским он не мог.

Он выругался сквозь зубы. Ещё одна потеря. Ещё одна проблема.

Он отполз от края холма, встал и, не оглядываясь, пошел обратно, на север. Сначала шагом, потом, по мере того как отдалялся от лощины, перешел на быструю, почти беговую рысь. Он не бежал от страха. Он бежал к долгу. Каждый шаг по размокшей земле отдавался болью в мышцах, каждый вздох рвал промерзшие легкие, но он гнал себя вперед. Чем быстрее он вернется, тем быстрее Район узнает о новой угрозе на юге. О «быстрых», которые охотятся стаями. О чужих у костра. О том, что мир за стенами стал еще опаснее.

И пока он шел, под ледяным ливнем, в его голове, поверх плана доклада и анализа угроз, засела навязчивая, почти детская мысль. Он чуть не умер. Чуть. Самой ужасной, животной смертью, какой только можно представить. Он выжил. Он выполнил задание. Разве за это не положена премия? Пара дополнительных кредитов. Всего пара. Чтобы купить у Феликса ту самую бутылку самогона. И, может, еще пачку дорогих иголок, самых острых, для Оливии.

Чтобы она могла пить в свое удовольствие, не ковыряя тупыми обломками. Это была не жадность. Это была жажда хоть какого-то, самого крошечного воздаяния за ту бездну ужаса, в которую он только что заглянул и из которой чудом выбрался. Он заслужил этот самогон. Он точно заслужил.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ТЬМОЙ

Он увидел стены Района на закате третьего дня. Они возникли из дымки предвечернего тумана не как символ спасения, а как последний, немыслимо далекий рубеж, который нужно было преодолеть. Ноги больше не слушались, они были двумя кусками онемевшего, болезненного мяса, привязанными к туловищу. Он почти не ел — несколько глотков воды, жменя сухарей, чтобы не упасть. Остановка, чтобы разжевать что-то основательнее, казалась непозволительной роскошью, предательством по отношению к тем, кто ждал его доклада за этими стенами.

Поэтому он бежал. Не в полную силу, но тем жутким, выматывающим душу трусцой, на которую способен только крайне истощенный организм, движимый одной волей. Мир вокруг был размытым пятном. Он не видел деталей, только направление: север, к той точке на горизонте, где темнели бетонные плиты.

Когда до третьих, последних ворот оставалось меньше километра, солнце уже почти коснулось верхушек дальних холмов. Последний дневной дозор, двое в камуфляже, с винтовками на ремнях, делал заключительный обход перед сдачей поста ночной смене. Они шли неспешно, устало переговариваясь, когда один из них, более зоркий, замер и ткнул товарища локтем.

— Смотри. Вон там.

На фоне багряного заката, по пыльной грунтовой дороге, к ним двигалась неустойчивая, шатающаяся фигура. Не прямой походкой путника, а какой-то сломанной, почти падающей на каждом шагу.

— Один? — пробормотал второй, снимая винтовку с плеча.

— Похоже. И без разгрузки... Странно.

Они пригнулись, заняв позиции за бетонным блоком, целясь в приближающуюся фигуру. Правила были четкими: после заката — особая бдительность. Но когда фигура приблизилась метров на двести, тот, что был зорче, ахнул:

— Черт... Да это Джек.

Они узнали его не по лицу — с такого расстояния его черты были неразличимы. Узнали по силуэту, по манере двигаться даже в таком полуживом состоянии, по тому, как он, почти падая, все же продолжал упрямо ставить одну ногу перед другой.

— Что с ним? Где группа? — второй все еще не опускал винтовку.

— Вызывай мотоцикл к воротам. Срочно, — приказал первый, уже выходя из-за укрытия. — И доложи на вышку, что свой возвращается.

Пока второй хрипел в рацию, первый пошел навстречу. Джек, увидев движущуюся к нему фигуру в камуфляже, не ускорил шаг. Он, кажется, уже не мог. Он просто продолжал идти, его взгляд был остекленевшим, устремленным куда-то сквозь идущего навстречу дозорного.

— Джек! Ты в порядке? — крикнул дозорный, подходя ближе.

Только тогда Джек остановился. Он стоял, тяжело дыша, его плечи ходили ходуном. Он посмотрел на дозорного, но, казалось, не сразу узнал.

— Воды... — прохрипел он.

Дозорный сунул ему свою флягу. Джек сделал несколько жадных, судорожных глотков, поперхнулся, откашлялся.

— Где твои? — спросил дозорный, оглядываясь за его спину, как будто ожидая увидеть остальных.

Джек покачал головой, отпивая еще. Потом опустил флягу, и его взгляд наконец сфокусировался.

— Срочно... в штаб. Доклад.

И тут силы окончательно оставили его. Он не рухнул в обморок, а просто медленно, как подкошенное дерево, опустился на колени, а затем сел на землю, уронив голову на грудь, давась воздухом. Его тело сотрясали спазмы от перенапряжения.

В это время с грохотом подъехал мотоцикл с коляской из Района. Водитель и дозорный помогли Джеку, почти безвольному, забраться в коляску.

— В штаб, — коротко бросил дозорный водителю.

Мотоцикл рванул к воротам, которые уже начинали открываться, пропуская его внутрь последнего кольца стен. Джек сидел в коляске, сжавшись в комок, его глаза были закрыты, но он не спал. Он собирал в кучу разрозненные мысли, обрывки воспоминаний: горящие желтые глаза, разорванную разгрузку, тени у костра под дождем, обглоданные кости Мэтью в ржавом баке. Ему нужно было все это изложить четко, холодно, без эмоций. Сначала доложить. Потом... потом можно будет подумать о кредитах, о самогоне, о бутылке, которая смоет этот ужас. И о том, чтобы увидеть ее. Услышать ее голос. Убедиться, что его хрупкий мир все еще на месте, пока он ходил в ад и обратно.

Мотоцикл прорвался сквозь сумеречную жизнь Района, вызывая недоуменные и тревожные взгляды. Вид разведчика в коляске, грязного, без разгрузки, с пустым, отсутствующим взглядом, был зрелищем необычным и пугающим. Обычно они возвращались либо с добычей, либо не возвращались вовсе. Такой — полуживой, пустой — был хуже того и другого.

У штаба их уже ждали. Сержант Горский стоял на крыльце, его лицо в свете зажигающейся над дверью лампы было каменным. Двое помощников помогли Джеку вылезти из коляски. Он пошатнулся, но устоял на ногах, отстранившись от помощи жестом. Он должен был войти сам.

— В кабинет, — бросил Горский, разворачиваясь и заходя внутрь.

Кабинет был тесным, заставленным стеллажами с папками. Запах пыли, пота и старого дерева. Горский сел за стол, указал Джеку на стул, напротив. Джек опустился, чувствуя, как дрожь в коленях наконец утихает, сменяясь ледяной, тяжелой усталостью.

— Где остальные? — начал Горский без предисловий.

— Мертвы. Двоих нашел у башни. Обглоданы. Третьего — в баке наверху. Разобран. — Голос Джека был хриплым, но ровным. Он говорил, глядя в пространство над плечом Горского, как диктор, зачитывающий сводку погоды.

— «Быстрые»?

— Да. Стая. Координируются. Охотятся вместе. Один едва не взял меня на башне. Порвал разгрузку. — Он машинально ткнул пальцем в место на груди, где под мокрой от грязи и пота рубахой был скотч и бинт.

— Ранен?

— Порез. Обработал. Не укус.

Горский тяжело вздохнул, делая пометку в журнале.

— Огни?

— Люди. — Джек перевел наконец взгляд на сержанта. — Не наши. Пятеро-шестеро. Машины, фары, костер под брезентом. В лощине в десяти километрах южнее башни. Не выглядели как бандиты. Слишком... спокойны. Но и не как беженцы. Организованно.

Горский откинулся на спинку стула, потирая переносицу. Две новые угрозы сразу. Эволюционировавшие мертвые и неизвестные живые.

— Ты их не стал проверять ближе?

— Не было сил. И смысла. Один, без разгрузки, с порезом... Моя задача была проверить и вернуться с информацией. Я ее выполнил. — В голосе Джека прозвучала сталь. Он не оправдывался. Констатировал.

Сержант кивнул, принимая логику.

— Верно. Молодец, что вернулся. Блокнот Карлоса принес?

Джек достал из внутреннего кармана потрепанный блокнот, положил на стол. Горский взял его, не открывая.

— Ладно. Иди. В санчасть — проверь порез. Потом отоспись. Завтра с утра подробный письменный отчет. И... — Горский запнулся, что для него было редкостью. — Задание выполнено. В условиях, превышающих расчетный риск. Кредиты будут начислены с коэффициентом. Думаю, хватит даже на бутылку чего покрепче у Феликса.

Джек не удивился, что сержант угадал его немую, детскую мысль о вознаграждении. Горский читал людей как открытые книги, особенно тех, кто ходил за Врата.

Он кивнул, поднялся. Ноги едва держали. Он вышел из кабинета, прошел через оживленный штаб, не видя лиц, и оказался на улице. Ночь уже полностью вступила в свои права. Генераторы гудели, питая прожектора на стенах. В его секторе жилья света в окнах не было — экономия.

Он не пошел в санчасть. Порез горел, но не слишком сильно. Он пойдет завтра. Сейчас ему нужно было только одно.

Он добрал до своего подъезда, поднялся по лестнице, цепляясь за перила. У двери замер, прислушиваясь. Тишина. Она, наверное, еще на стене. Или уже спит.

Он открыл дверь своим ключом. В комнате пахло едой — она оставила что-то в кастрюле на плите, накрытое тарелкой. И ее запахом. Тем самым, простым и человеческим.

Он сбросил мокрые, грязные ботинки, снял куртку, превратившуюся в жесткую корку от грязи и пота. Рубаху с бинтом отрывать не стал. Прошел в темноте к койке и рухнул на нее, не раздеваясь дальше.

Темнота и тишина комнаты обрушились на него, и тут же, как только он закрыл глаза, перед ним вспыхнули желтые огни в темноте, закрипела лестница под когтями, завыл ветер в ребрах ржавой башни. Он ворочался, стискивая зубы, пытаясь загнать кошмар обратно в подсознание.

Свет. Сначала он подумал, что это прожектор с вышки бьет ему в лицо. Но свет был мягким, рассеянным — утреннее солнце, пробивавшееся через грязное окно. Джек открыл глаза. Тело ломило так, будто его переехал «Броня». Каждый мускул, каждая кость кричала о перенапряжении.

И тогда он увидел ее. Оливия сидела на краю койки, смотрела на него. Ее лицо было бледным, губы плотно сжаты. Но не от гнева или упрека. В ее глазах читался шок, смешанный с таким глубоким, острым облегчением, что от этого взгляда у Джека внутри все перевернулось.

— Привет, — хрипло выдавил он.

Она не ответила. Ее пальцы, холодные, коснулись его лба, провели по щеке, задержались на губах, запекшихся от жажды и напряжения. Потом ее взгляд скользнул вниз, к его груди, где через мокрую ткань рубахи проступало пятно от бинта и скотча.

— Вставать нельзя, — сказала она наконец, и ее голос был тихим, но таким же твердым, как сталь. — Лежи.

Она встала и через минуту вернулась с миской теплой каши — той самой, что оставила вчера. Села рядом и, не спрашивая, поднесла ложку к его губам. Он хотел возразить, сказать, что сам справится, но сил даже на то, чтобы поднять руку, не было. Он позволил ей кормить себя, глотая безвкусную массу, чувствуя, как тепло еды медленно растекается по ледяному внутри.

Осторожно, смочив тряпку в теплой воде, она отклеила скотч и сняла пропитанный сукровицей бинт. Рана была неглубокой, но края воспалились, покраснели. Она промыла ее тем же спиртовым раствором, что использовал он, но сделала это тщательнее, безжалостно вычищая возможную грязь. Он стиснул зубы, чтобы не застонать.

— Идиот, — прошептала она, сосредоточенно работая. — В санчасть надо было сразу.

— Доклад... — пробормотал он.

— Доклад подождет. Или нет. — Она закончила обработку, наложила свежий, чистый бинт из их скудного запаса и закрепила его. Потом посмотрела ему прямо в глаза. — Сейчас встаешь. Надеваешь чистое. И идешь в санчасть. Пусть посмотрят. Потом — в штаб. Понял?

Это был не вопрос. Это был приказ. И в нем была такая забота, такая бескомпромиссная воля к тому, чтобы он жил, что он мог только покорно кивнуть.

Она помогла ему одеться в чистую, хоть и поношенную одежду, нашла ему еще одну, менее рваную куртку. Когда он, шатаясь, вышел из квартиры, она не пошла за ним. У нее была своя смена. Но он знал, что она будет ждать.

В санчасти — бывшей школьной медсестре и бывшему хирургу-травматологу, которые теперь творили чудеса с бинтами и йодом — его осмотрели. Констатировали, что заражения, скорее всего, нет, но воспаление есть. Выдали таблетки антибиотика и велели приходить на перевязку. Отношение было уважительным, но без лишних слов. Они видели таких, как он, часто.

Из санчасти он отправился в штаб. Чувствовал себя чуть лучше, но пустота внутри оставалась.

В приёмной штаба, у входа, ютился маленький шаткий столик, заваленный бумагами: старые накладные, обрывки карт, пустые бланки. Повсюду — пятна засохшего кофе, пара пустых кружек с коричневыми разводами на дне. Рядом — табуретка с покосившимися ножками, которую вечно норовил перевернуть. Джек опустился на неё, взял со стола огрызок карандаша и единственный более-менее чистый лист, какой смог отыскать.

Рука дрожала, но он заставил себя писать. Не подробно — только суть. Маршрут: ориентиры, старый поселок, водонапорная башня. Координаты. Состояние тел разведчиков — двое у основания башни, обглоданы, один в баке, изуродован. Нападение «быстрых»: стая, координируются, охотятся вместе. Тактика: один отвлекает, другие заходят с флангов. Лагерь незнакомцев — в ложине южнее башни. Пятеро-шестеро, машины, костёр под брезентом. Без опознавательных знаков. Ничего лишнего. Без пафоса.

Карандаш ломался, пришлось точить ножом. Строчки выходили корявыми, но читаемыми. Он перечитал, поправил пару слов и поднялся, держа лист в руке.

В кабинете Горского пахло пережжённым кофе и усталостью. Сержант сидел за столом, изучая какую-то карту. Поднял воспалённые глаза на Джека.

— Доклад? — спросил Горский, принимая лист.

— Здесь всё, — ответил Джек, голос хриплый, безжизненный. — Маршрут, башня, «быстрые». И чужие. Координаты указал.

Сержант пробежал глазами по строчкам, его лицо оставалось каменным. Потом кивнул, отложил лист.

— Ладно. Коэффициент за риск и потерю снаряжения утверждён. Кредиты на твоём счету. Три дня отдыха. Дальше — посмотрим.

Джек кивнул и вышел. Он стоял на крыльце штаба, глядя на серое небо. У него была чистая одежда, обработанная рана, три дня покоя и полный кошелек кредитов. И была она, которая накормила его с ложки, отмыла от адской грязи.

Он не чувствовал триумфа. Чувствовал только глубочайшую, всепоглощающую усталость и странную, щемящую благодарность. Он снова заплатил страшную цену за своё возвращение. Но на этот раз у него было не только пустое место в груди.

Прежде чем идти домой, он заглянул в обменник. Феликс, увидев его, сразу понял — торг здесь неуместен. Джек молча выложил на прилавок кредитные квитанции и назвал, что ему нужно: бутыль самогона, две банки тушёнки, маленький баллончик с газом для плитки и пачку иголок. Феликс кивнул, собрал заказ, и Джек, расплатившись, вышел, чувствуя в руке тяжесть покупок.

Он вернулся в пустую квартиру, но на этот раз тишина в ней не была угрожающей. Она была предвкушающей. Он поставил на стол тяжелую сумку. Из нее он достал не драгоценности старого мира, а новую валюту выживания: пластиковую бутылку с мутной, желтоватой жидкостью — яблочный самогон от одного из умельцев в мастерских; две банки тушенки с еще читаемыми этикетками; маленький баллончик с газом для их плитки и, завернутая в тряпицу, пачка новых, острых иголок — тех самых, дорогих.

На его счету после всех трат оставалось девятью три кредита. Цифра, которая казалась почти нереальной. Целое состояние. Недели, а может, и месяц спокойной жизни, если не случится чего-то из ряда вон.

Он был рад. Не ликовал, не смеялся. Но внутри, в той самой ледяной пустоте, что оставалась после вылазок, потеплело. Это было ощущение не просто выживания, а маленькой, но значимой победы. Он выстоял. Он принес пользу. Он обеспечил их.

Первым делом он подошел к их маленькой, эмалированной ванне, доставшейся им чудом. Затяжка была самодельной, из обрезка резины. Он открыл кран — вода текла тонкой, холодной струйкой, но текла. Он включил плитку, поставил на нее большой чугунный котел, наполненный водой. Тратить газ на такое было безумием с точки зрения выживальщика. Но сегодня он позволил себе это безумие.

Пока вода грелась, он откупорил бутылку с самогоном. Запах ударил в нос — резкий, терпкий, с явными нотами перебродивших яблок и чего-то химического. Он налил немного в металлическую кружку, сделал первый глоток. Жидкость обожгла горло, спустилась в желудок горячим комом. Он закашлялся, и слезы выступили на глазах. Отвратительно. И божественно. Это был не вкус, это было чувство. Чувство того, что он может позволить себе такую роскошь, как отравление собственного организма ради забвения.

Вода нагрелась. Он вылил кипяток в ванну, разбавил холодной. Пар поднялся к потолку, запотело зеркало. Сбросил одежду на пол и осторожно погрузился в горячую воду.

Тело взвыло от боли и блаженства. Мышцы, скованные холодом, напряжением и страхом, начали медленно, нехотя расслабляться. Он откинул голову на холодный край ванны, взял кружку и сигарету.

Он закурил, пуская дым в полуоткрытое окно. Вечерний воздух был холодным, но он не закрывал его — не хотел, чтобы запах табака и самогона въелся в их убежище. Пусть выветривается. Пусть весь Район знает, что у Джека сегодня праздник. Хотя нет, не праздник. Просто передышка.

Он пил маленькими глотками, курил, и смотрел на потолок, где плесень расплзалась причудливыми узорами. Мысли текли медленно, вязко, как сам самогон.

Он думал о башне. О том, как близко он был к смерти. Не к быстрой смерти от пули или укуса, а к той, животной, когда тебя рвут на части. Он думал о Мэтью в баке. «Разорван». Это слово не выходило из головы. Что это значит? Просто особенная жестокость «быстрых»? Или что-то еще?

Думал о чужих у костра. Спокойных, организованных. Новая угроза? Или потенциальные союзники? Горский и совет Района будут решать. Его работа была — принести информацию. Он ее принес.

Думал об Оливии. О том, как она кормила его с ложки. Как ее пальцы, твердые и нежные, промывали его рану. Она стала его тылом в самом прямом смысле. Его крепостью внутри крепости. И эта мысль была страшнее и прекраснее любой бандитской засады. Потому что теперь у него было что терять.

Он допил кружку, налил еще. Голова начала приятно кружиться, края реальности смягчились. Боль в теле притупилась, стала далекой. Он затушил сигарету, закрыл глаза, погрузившись в горячую воду по подбородок.

Снаружи доносились привычные звуки Района: гул генератора, чьи-то отдаленные голоса, скрип телеги. Но здесь, в этой ванне, с огнем самогона в желудке, он был вне досягаемости. На эти несколько минут он позволил себе просто быть.

Он не знал, что будет завтра. Какое новое задание, какая новая угроза. Но он знал, что сегодня у него есть девяносто три кредита, полная ванна горячей воды, бутылка самогона и девушка, которая вернется домой. И в их мире, выжженном дотла, этого было больше, чем достаточно. Это было все.

Ключ щелкнул в замке примерно через час. Джек уже почти дремал, вода остыла до приятной, парной теплоты. Он приоткрыл глаза, когда дверь скрипнула.

Оливия вошла, скинула куртку, и ее взгляд сразу нашел его. Увидела пустую бутылку на полу рядом с ванной, кружку в его руке, сигаретный окурочок в жестяной банке на краю раковины. Ее брови чуть сдвинулись, губы сжались. Не гнев, а скорее усталое неодобрение, смешанное с пониманием.

— Три дня отдыха, и первый день начинаешь с этого? — спросила она, ее голос был ровным, но в нем чувствовалась легкая укоризна.

— С этого и начинаю, — хрипло ответил Джек, делая еще один мелкий глоток. — Начинаю с того, чтобы отмыться. И с того, чтобы забыть.

Она ничего не сказала, развернулась и пошла на их импровизированную кухню. Он слышал, как она греет себе еду, как стучит ложкой по тарелке. Она ела в тишине. Он лежал в воде, слушая эти бытовые звуки, и они были успокаивающе нормальными.

Потом шаги вернулись. Она стояла в дверном проеме, скрестив руки на груди, глядя на него. Потом подошла, опустилась на корточки и опустила руку в воду. Поморщилась.

— Почти холодная. И ты весь сморщился.

— Ничего, — пробормотал он.

Она выдержала паузу, потом встала и, не глядя на него, начала раздеваться. Снимала свою рабочую форму — штаны, футболку, грубый бюстгальтер. Она делала это без стеснения, просто, как снимала бы грязную одежду после смены. В свете единственной свечи, которую он зажег, ее тело казалось хрупким и невероятно сильным одновременно — тонкие, но рельефные мышцы, старые шрамы, свежий синяк на ребре.

Она подошла к ванне. Вода плеснулась, когда она переступила через край и осторожно опустилась в воду перед ним, спиной к его груди. Она откинулась на него, ее мокрая голова легла ему на плечо. Он обнял ее автоматически, его руки нашли привычное место на ее животе.

Она потянулась, взяла его кружку, еще наполовину полную мутной жидкости, понюхала и скривилась.

— Как ты это пьешь? — спросила она, искоса глядя на него. — Пахнет растворителем.

— Не пьешь. Проглатываешь, — честно ответил он. — Эффект тот же.

Она нахмурилась, но все же поднесла кружку к губам и сделала крошечный, осторожный глоток. Ее лицо тут же исказилось гримасой отвращения, она закашлялась, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Ужасно, — выдохнула она, но в ее голосе прозвучал слабый смешок. Смех над абсурдностью ситуации: они сидят в чуть теплой воде, в разрушенном мире, и пьют отвратительный самогон, будто это вино.

— Зато работает, — сказал он, забирая кружку обратно и допивая остатки. Огонь снова разлился по желудку, завершая картину смутного, алкогольного умиротворения.

Они сидели так в тишине. Ее спина была теплой и реальной у него под руками. Его подбородок касался ее мокрых волос. Они не говорили. Не было нужды. Весь ужас его вылазки, вся ее тревога в его отсутствие, вся суровая реальность их жизни — все это было смыто этой простой, интимной близостью. Он чувствовал, как под его ладонями медленно поднимается

и опускается ее живот в такт дыханию. Она чувствовала крепость его объятий, слышала его сердцебиение у себя за спиной.

Он поцеловал ее в мокрый висок. Она прижалась к нему чуть сильнее. Снаружи снова завыл ветер, донесся отдаленный, привычный гул. Но здесь, в этой ванне, они были в коконе.

Теплота воды и теплота их тел медленно перешли в нечто большее. Это началось не с поцелуя, а с того, как ее рука нашла его руку на своем животе и сжала ее, пальцы переплелись. Потом она повернула голову, и их губы встретились. Сначала осторожно, пробуя — вкус самогона, табака, ее губ. Потом глубже, с нарастающей жаждой.

Медленно, жадно, исследуя друг друга заново, как будто он вернулся не из вылазки, а из долгого путешествия. Он чувствовал, как дрожат ее мышцы под его ладонями, как ее ногти впиваются в его предплечья не от боли, а от того, чтобы удержать этот миг, это соединение. Она принимала его всей собой, каждым вздохом, каждым движением, и в ее глазах, которые он ловил в полумраке, горел не просто огонь желания, а что-то более глубокое — признание, доверие, и та самая безымянная любовь, которую они все еще боялись назвать.

Когда все закончилось, они еще долго лежали в остывшей воде, сплетенные воедино, его лицо было прижато к ее шее, ее пальцы медленно водили по его мокрым волосам. Никто не говорил. Слова были бы лишними, они все уже сказали телами. В комнате пахло влажным телом и их любовью — острым, прекрасным запахом жизни, упрямо прорывающейся сквозь смерть и страх.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Приказ пришел через два дня, как раз, когда закончились те самые «три дня отдыха». Не в штабе, а на общем собрании старших по секторам. Совет Района принял решение: группе незнакомцев в лощине требуется более пристальное внимание. Не атака, нет. Наблюдение. Оценка угрозы и потенциала. Нужно было понять, кто они, сколько их на самом деле, каково их вооружение, намерения. Классическая разведка. И для этой разведки требовалась пара глаз, которая уже видела это место.

Джека это не удивило. Удивило и возмутило другое.

— Паре нужен прикрывающий, — сказал Горский, глядя на него и... на Оливию, стоявшую рядом у стены, куда ее вызвали со смены. — Вы знаете местность. Вы слаженная пара. Работаете тихо. Вы идете.

Джек почувствовал, как у него внутри все похолодело.

— Сержант, это...

— Приказ, Джек, — перебил Горский. Его взгляд был непреклонным. — Оливия — один из лучших стрелков на стене. Она знает, как держать дистанцию и когда стрелять. А ты знаешь, как подобраться близко. Идеальная комбинация.

— Там полно «быстрых», — выдавил Джек, его голос был тише обычного, но в нем зазвучала сталь. — Мы видели только часть стаи. Наблюдение — это долго. Риск пропорционален времени. Лучше потерять одного, чем двоих.

Он не смотрел на Оливию. Боялся увидеть в ее глазах согласие или, что хуже, решимость. Он говорил, глядя прямо на Горского, нарушая негласное правило — не оспаривать приказы при всех.

В комнате повисла напряженная тишина. Оливия молчала.

— Она идет, — повторил Горский, и в его тоне не было места для дискуссий. — Вы оба получите рацию для связи с вышкой наблюдения, которую мы выставим на сопке в трех километрах от цели. В случае крайней опасности — вызывайте эвакуацию мотоциклом. Ваша задача — наблюдать, не вступать в контакт и не ввязываться в бои. Только глаза и уши. Понятно?

Джек сжал челюсти. Каждая клетка его тела протестовала. Он только что вернул ее в безопасность, в их хрупкий мир, только начал оттаивать после собственного кошмара. А теперь ее снова тащили в пасть того же ада, рядом с ним. Идея о том, что он может стать свидетелем ее гибели, была в тысячу раз страшнее, чем мысль о собственной смерти.

— Понятно, — сквозь зубы сказал он наконец.

— Понятно, сержант, — четко, без тени эмоций, произнесла Оливия.

Их снарядили основательно, но для скрытного наблюдения. Камуфляж под местность, маскировочные сетки. У Джека — его пистолет, нож и автомат с глушителем (редчайшая вещь, выдаваемая только для особых миссий). У Оливии — ее дробовик для ближнего боя и дальнобойная винтовка с оптическим прицелом, снятая с вооружения вышки. Рация на каждого, с общим зашифрованным каналом и отдельным — для экстренного вызова. Сухой паек на три дня, вода, бинокль. Ничего лишнего.

Перед самым выходом, уже у внутренних ворот, где их ждал мотоцикл, Джек схватил Оливию за руку выше локтя, заставив обернуться.

— Ты идешь за мной, — его голос был низким, резким. — Не лезешь вперед. Не проявляешь инициативу. Смотришь, куда я покажу, стреляешь, только если я скажу или если ко мне полезут. Поняла?

Она встретила его взгляд. В ее глазах не было страха. Была та же холодная, ясная решимость, что и у него перед вылазкой. Но сейчас она была направлена против его гиперопеки.

— Я не новичок, Джек. И у меня своя задача — прикрытие. Я знаю, что делаю.

— Там не стена, Оливия! Там открытое поле, холмы, и твари, которые бегают быстрее тебя! — он почти зашипел, стараясь, чтобы их не слышал водитель мотоцикла.

— Поэтому мы и идем вдвоем, — парировала она, выдергивая руку. — Чтобы прикрывать друг друга. А не чтобы ты тащил меня, как мешок.

Он видел, что не переубедит. Видел в ее позе ту же непреклонность, что была у него, когда он уходил к башне. Она солдат. И она считала этот приказ своим долгом. Ненависть к системе, к Горскому, к этому проклятому миру, который раз за разом крал у него куски покоя, подступила к горлу кислым комом.

Он резко развернулся и влез в коляску мотоцикла. Она села сзади водителя. Они не разговаривали всю дорогу до старой заставы.

Высадившись, они в полной тишине, уже как команда, проверили связь с вышкой наблюдения. Голос в рации подтвердил, что видит их. Потом Джек жестом указал направление, и они двинулись на юг, в сторону лощины с незванными гостями и кишаших между ними, как он был уверен, «быстрых». Он шел первым, каждый нерв был натянут, но теперь часть его внимания была не впереди, а постоянно, как радар, сканировала пространство за его спиной, где шагала она. Он ненавидел этот приказ. Но теперь его единственной целью было сделать так, чтобы они оба вернулись живыми. Любой ценой.

Они добрались до места наблюдения за час до полудня, используя овраги и редкие перелески как естественное укрытие. Джек выбрал позицию на лесистом склоне холма, напротив того, где они видели лагерь. Отсюда открывался хороший обзор на лощину, но они сами оставались в тени и среди густого подлеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.